

МИРОВОЙ СУДЬЯ

Электронное правосудие в условиях цифровой экономики в России и зарубежных странах

О перспективах развития института судебного примирения

Проблемы рассмотрения дел о расторжении брака в судебном порядке, пути их решения

Проблемы применения астрента в России

юрист
издательская группа

№ 12
2021

МИРОВОЙ СУДЬЯ

№ 12 2021

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Рег. ПИ № ФС77-29335 от 24 августа 2007 г. Выходит ежемесячно. Издаётся с 2003 г.

Учредитель журнала — Издательская группа «Юрист»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Дорошков Владимир Васильевич,
профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса
и криминалистики МГИМО МИД России, секретарь Пленума,
судья Верховного Суда РФ (в отставке), заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент
Российской академии образования

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Апостолова Наталья Николаевна,
профессор кафедры процессуального права Южно-Российского института
управления Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ, доктор юридических наук, доцент

Воскобитова Лидия Алексеевна,
заведующая кафедрой уголовно-процессуального права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Головкин Леонид Витальевич,
заведующий кафедрой уголовного процесса, правосудия
и прокурорского надзора Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор

Каплина Оксана Владимировна,
заведующая кафедрой уголовного процесса
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого
(г. Харьков, Украина), доктор юридических наук, профессор

Лазарева Валентина Александровна,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
национального исследовательского университета имени С.П. Королева,
доктор юридических наук, профессор

Павликов Сергей Герасимович,
руководитель Департамента правового регулирования экономической
деятельности Финансового университета при Правительстве РФ,
доктор юридических наук, профессор

Патов Николай Александрович,
проректор Московского психолого-социального университета (МПСУ),
доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор,
академик Российской академии образования

Попов Иван Алексеевич,
главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра № 5
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России,
заслуженный юрист РФ, почетный сотрудник Министерства внутренних
дел РФ, доктор юридических наук, профессор

Примаков Татьяна Клавдиевна,
заведующая кафедрой гражданского права и процесса
Балтийского федерального университета имени И. Канта,
доктор юридических наук, профессор

Сачков Андрей Николаевич,
судья Ростовского областного суда, профессор кафедры теории и истории
государства и права Ростовского филиала «Российский государственный
университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

Колоколов Никита Александрович,
судья Верховного Суда РФ (в отставке), доктор юридических наук, профессор

Главный редактор Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии образования

Заместители главного редактора Издательской группы «Юрист»:
Бабкин А.И., Бельх В.С., Ренов Э.Н., Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

Редакция: Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

Научное редактирование и корректура: Швечкова О.А., к.ю.н.

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

Телефон редакции: (495) 953-91-08.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки: (495) 617-18-88 (многоканальный).

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Подписка по России: «Объединенный каталог. Пресса России» — инд. 15093,
«Почта России» — П1700, а также на сайте: www.lawinfo.ru

Содержание

Судебная власть

Фоков А.П. Электронное правосудие
в условиях цифровой экономики
в России и зарубежных странах:
новации и перспективы развития
законодательства..... 2

Уголовное судопроизводство

Николюк В.В., Безруков С.С., Диваев А.Б.
Кризис веры в справедливость уголовного
судопроизводства: актуальное исследование
или «научный спам» (размышления
к статье И.А. Антонова). Часть 2..... 7

Фадеев И.А. Качество законодательной
регламентации правового положения
органов дознания в ст. 40 УПК
Российской Федерации 14

Гражданское судопроизводство

Котлярова В.В. О перспективах развития
института судебного примирения..... 19

Сельхова О.Е. Понятие и признаки
предписания контрольного (надзорного)
органа 22

Малинский Ю.В. Проблемы рассмотрения
дел о расторжении брака в судебном порядке,
пути их решения 26

Шергунова Е.А. Проблемы применения
астрента в России 31

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Использование материалов в других изданиях допускается только
с письменного согласия редакции. Ссылка на журнал обязательна.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией
при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации
для публикации основных результатов диссертаций на соискание
ученых степеней кандидата и доктора наук
(12.00.09; 12.00.10; 12.00.11; 12.00.15 — юридические науки).

Вниманию наших авторов!

Материалы журнала размещаются в электронной
справочно-правовой системе «КонсультантПлюс».

Формат 170х252. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Физ. печ. л. 3,0.
Усл. печ. л. 3,0. Цена свободная. Тираж 4000 экз. ISSN 2072-4152.

Отпечатано в типографии «Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, п. Северный, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Номер подписан в печать: 03.11.2021. Выход в свет: 09.12.2021.

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного
разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал включен в базу данных Российского индекса
научного цитирования (РИНЦ) **eLIBRARY.RU**

Электронное правосудие в условиях цифровой экономики в России и зарубежных странах: новации и перспективы развития законодательства

Фоков Анатолий Павлович,
главный научный сотрудник Центра исследования проблем правосудия
Российского государственного университета правосудия,
эксперт международной организации по борьбе с коррупцией (ГРЕКО),
доктор юридических наук, профессор
fokovam@yandex.ru

В статье раскрываются особенности осуществления электронного правосудия в условиях цифровой экономики в России и зарубежных странах, анализируется законодательство и предлагается оптимизировать правовые механизмы применения электронных средств коммуникации и цифровых технологий в судебной деятельности с учетом положительного опыта зарубежных стран.

Ключевые слова: электронное правосудие, цифровая экономика, законодательство, правовые механизмы, судебная деятельность, опыт зарубежных стран.

В современном обществе достаточно активно происходит трансформация экономических отношений в цифровую форму, что позволяет динамично развиваться правовым механизмам, регулирующим осуществление электронного правосудия в России по рассмотрению судами различных категорий дел, как то: административных, гражданских, экономических и уголовных дел с использованием технологических платформ и средств коммуникации.

Внедрение современных информационных технологий в судебную систему Российской Федерации и осуществление электронного правосудия в условиях цифровизации экономики выполняют достаточно важные для общества функции: доступность граждан к правосудию, улучшение качества правосудия, снижение сроков рассмотрения дел судами и повсеместное получение информации о деятельности судов.

Неудивительно, что эксперты Всемирного банка в докладе «Цифровое правительство 2020 г. Перспективы для России»¹ достаточ-

но высоко оценили федеральные программы Правительства России, направленные на трансформацию системы предоставления услуг — к так называемой стадии цифрового правительства. Опираясь на инвестиции и преобразования, произведенные в ходе предыдущих этапов формирования электронного правительства, эта стадия подразумевает полный перевод услуг в цифровой формат от обращения за этими услугами до их исполнения и достижение такого положения дел, когда ведомственные процессы опираются преимущественно на данные, а не на документы. При этом в докладе отмечается, что законодательная база России по защите прав граждан и юридических лиц в сфере цифровой экономики с реализацией концепции электронного правосудия в России ничем не уступает аналогам в США, Китае, Великобритании, Франции, Германии, а в некоторой степени превосходит. Как отмечают исследователи², в большинстве зарубежных

¹ Цифровое правительство — 2020: Перспективы для России / Доклад подготовлен Всемирным банком в сотрудничестве с Институтом развития информационного общества. 2016. Апрель. URL: <https://pubdocs.Worlbank.org/en/473131460040867925/Digital-Government-Russia-2020-RUS/pdf> (дата обращения: 09.09.2021).

² Аносов А.В. Информационно-правовые вопросы формирования электронного правосудия в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 179 с.; Антонов А.В. Электронная демократия как политическо-правовой механизм согласования частных и публичных интересов // Российская юстиция. 2017. № 12. С. 38–41; Карцхия А.А. Цифровые технологические (онлайн) платформы: российский и зарубежный опыт

стран очень осторожно относятся к осуществлению электронного правосудия за исключением, например, Китая — технологические платформы используются в судах как вспомогательный инструмент, как то: направление процессуальных документов в суд в электронном виде, формирование и ведение электронного документооборота, использование систем видео-конференц-связи, предоставление судебных решений в письменном и электронном виде.

В то же время отметим, что действительно достаточно четко отрегулированный электронный документооборот в судебной деятельности значительно повышает эффективность правосудия.

В этой связи достаточно наглядно содержание Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203³, и во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.»⁴ разработан паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

В Паспорте национальной программы четко прописано законодательное обеспечение не только электронного оборота в судебной деятельности, но и возможность дистанционного участия в судебном процессе в рамках электронного правосудия, о чем свидетельствует законодотворческая деятельность государства⁵.

В научном осмыслении и теоретической проработке вопроса электронного документооборота в рамках электронного правосу-

дия необходимо отметить научные труды Валеева Д.Х., Костина И.М.⁶, которые пришли к правильному выводу о том, что внедрение электронных технологий в судебный процесс направлено на улучшение элементов доступности к правосудию. Развивая научную парадигму об эффективном электронном правосудии в условиях цифровой экономики, Е.В. Бурдина⁷ пришла к выводу, что доступ к суду должен обеспечиваться созданием судебной платформы, позволяющей системно, полно и безопасно удовлетворять потребности граждан в правосудии методом одного окна. Таким образом, по мнению ученого, реализуются концепции «суд как единая функция» и «суд как единая технологическая платформа» с единым пониманием того, что «суд как здание».

Возможно, подобная научная точка зрения Е.В. Бурдиной имеет право на жизнь, так как внедрение современных информационно-коммуникационных технологий в судебную деятельность в рамках электронного документооборота и последующего электронного правосудия подтвердило на практике свою эффективность.

С 1 сентября 2019 г. в родном отечестве судами наработана достаточная судебная практика, когда в гражданском и арбитражном процессах формирование суда и распределение дел между судьями происходит в автоматизированном режиме согласно положениям, закрепленным в процессуальных кодексах (ст. 14 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации⁸, ст. 18 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации⁹, ст. 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹⁰,

регулирования // Гражданское право. 2019. № 3. С. 25–28; Брянцева О.В., Солдаткина О.А. Сравнительный анализ зарубежных систем электронного правосудия // Вестник Поволжского института управления. 2019. Т. 19. № 6. С. 36–47; и др.

³ Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Законопроект № 1144921-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования дистанционного участия в судебном процессе». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1144921> (дата обращения: 09.09.2021).

⁶ Валеев Д.Х., Костин И.М. Индикативный подход оценки основных параметров осуществления и доступа к правосудию в условиях цифровой экономики // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 9. С. 58–62.

⁷ Бурдина Е.В. Новые организационные формы отправления правосудия: опыт судов в Республике Казахстан // Российский судья. 2021. № 1. С. 49–51.

⁸ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 16.11.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

ст. 28 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации¹¹).

Тем самым в условиях цифровой экономики обеспечивается независимость судей, которая неразрывно связана с оптимальным урегулированием судебной нагрузки и распределением дел между судебными составами с учетом специализации судей в автоматизированном режиме.

Таким образом, в соответствии с положениями Конституции Российской Федерации¹² (ст. 47) при рассмотрении дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, реализуются принципы осуществления правосудия, в том числе и в электронном виде.

В то же время необходимо учитывать, что в современном мире, а в особенности в условиях пандемии (COVID-19) более эффективно стала развиваться цифровая экономика. Так, с 1 января 2021 г. действуют обновленные правила продажи товаров в розницу в условиях дистанционной торговли в сети Интернет. Согласно Постановлению Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 2463¹³, при дистанционном способе продажи товара продавец обязан заключить договор розничной купли-продажи с любым лицом, выразившим намерение приобрести товар на условиях оферты.

Основные содержание и новации нормативного акта:

- оферта должна быть на официальном сайте продавца;
- условия продажи не действуют, пока бизнес их не подтвердил;
- контактная информация должна быть подробной и четко обозначенной на официальном сайте продавца;
- процесс обращения граждан с заявлениями и жалобами должен быть прописан также на официальном сайте продавца (при этом техника и ювелирные изделия могут быть возвращены продавцу в установленные федеральным законом сроки);

— продавец обязан подтвердить заказ товара и условия покупки, в том числе и на продажу биологически активных добавок.

В условиях цифровой экономики и карантинных мер (COVID-19) путем онлайн-торговли Правительство РФ дает возможность больше заработать бизнесу, но при этом возникает и большее количество судебных споров, связанных с защитой прав потребителей.

В 2021 г. значительно возросло количество судебных дел, связанных с защитой прав потребителей при дистанционном способе продажи товаров с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет или программы для электронных вычислительных машин.

Как отмечает Смирнов Е.Н.¹⁴, проблемы цифровизации и цифровой трансформации современных экономических отношений охватывают не только отечественную, но и международную торговлю, систему глобального производства и рынки товаров и услуг, и все указанное требует выработки правовых механизмов их защиты на государственном уровне.

В этих условиях, по мнению Борисовой П.В.¹⁵, в рамках электронного правосудия возможно эффективно и в разумный срок осуществить защиту прав и интересов граждан в условиях массовой онлайн-торговли товарами. Достаточно интересен вывод о том, что в рамках электронного правосудия возможно использовать искусственный интеллект (далее — ИИ), т.е. «компаньон — судья», который, не будучи цифровым судьей, поможет суду выработать законное и справедливое решение.

В литературе переход к новой модели организации электронного правосудия и возможности осуществления правосудия роботом — судьей достаточно неоднозначен.

Клеандров М.И.¹⁶ в рамках научного исследования вполне доказательно приходит к выводу о том, что использование ИИ возможно в рамках сбора и анализа документов,

¹¹ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 30.04.2021, с изм. от 15.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 2463 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Смирнов Е.Н. Цифровая трансформация мировой экономики: торговля, производство, рынки: моногр. М.: Мир науки, 2019.

¹⁵ Борисова Л.В. Электронное правосудие как форма судебной защиты в России // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6. С. 105–111. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.105-111.

¹⁶ Клеандров М.И. Размышления на тему: может ли судья быть роботом? // Российское правосудие. 2018. № 6. С. 15–25.

поступивших в суд, для оказания содействия в выработке проекта решения, но никак не в постановлении решения (определения), приговора по рассмотренному судом делу.

Действительно, технология ИИ позволяет суду повысить эффективность подготовки и прогнозирования судебного акта, но никак не выработки окончательного судебного решения.

Вопросам ИИ посвящена Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебной деятельности¹⁷, содержащая положения, которые, возможно, будут использованы и в правовом поле России.

Нам представляется, что наиболее востребованным ИИ будет при оказании содействия гражданам в составлении документов при обращении в суд и выработке юридически значимых исковых заявлений, жалоб, ходатайств и иных процессуальных актов, например заявлений о выдаче судебного приказа, решения, определения, приговора и т.п.

При этом существенная помощь гражданам ИИ может быть оказана в исправлении технических и процессуальных неточностей документов, а также в возможности провести анализ доказательств и спрогнозировать решение суда. Достаточно эффективной может быть помощь ИИ гражданам, участвующим в судебных заседаниях в рамках информационной поддержки.

Таким образом, внедрение IT-технологий в судебный процесс требует правового обеспечения и соответствующих изменений в процессуальное законодательство. Тем не менее информационные системы и системы искусственного интеллекта — основа электронного правосудия, и за ними будущее.

Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (далее — ВС РФ), объем дел, рассмотренных судами в 2020 г., превысил количество дел, рассмотренных в 2019 г., на 3 млн 920 тыс. Арбитражными судами рассмотрен 1 млн 508 тыс. дел по спорам, в основном вытекающим из неисполнения договорных обязательств, в 2020 г. рассмотрено 6 млн 997 тыс. административных дел, что превышает объем 2019 г. на 33%.

¹⁷ Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях. URL: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860> (дата обращения: 09.09.2021).

Председатель ВС РФ В.М. Лебедев на совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов, подводя итоги судебной деятельности в 2020 г.¹⁸, обратил внимание судей на значительное увеличение рассмотренных дел судами по сравнению с 2019 г. Руководитель высшего судебного органа поддержал законодательные инициативы, направленные на модернизацию судебной деятельности в стране, в частности на всемерную поддержку правового обеспечения электронного правосудия и использования ИИ в судопроизводстве.

Следовательно, ИИ в судебной деятельности России в ближайшем будущем будет востребован, и законодательная база может быть существенно обновлена. Анализ внедрения ИИ в зарубежных странах неоднозначен, и практика его применения в судебной деятельности носит эпизодический характер.

Во Франции ИИ используется для поиска и анализа информации, а эксперименты по тестированию и прогнозированию судебных процессов были признаны неудачными. Не получило достаточно широкого обеспечения внедрение ИИ в судах Великобритании, Италии, Испании и других зарубежных юрисдикциях.

Тем не менее достаточно интересен опыт Китайской Народной Республики по законодательному обеспечению электронного правосудия в судебной деятельности и внедрению правовых механизмов использования искусственного интеллекта с целью организации в будущем «умного суда»¹⁹ в условиях цифровой реальности и сохранения уважения к автономии судебной власти. Новые технологии, обеспечивающие ИИ в судебной деятельности, постепенно внедряются в народные суды Китая по всей стране и содействуют осуществлению ускоренных и динамичных онлайн-процессов.

Нам представляется удачно выстроенная схема использования ИИ в судебных про-

¹⁸ Доклад Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева на совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов об итогах судебной деятельности в 2020 г. URL: <http://www.supcourt.ru/files/29654> (дата обращения: 09.09.2021).

¹⁹ Фоков А.П. Электронное правосудие в Китайской Народной Республике: цифровая реальность и организация «умного суда» // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 8 (135). С. 119–125.

цессах: это электронное распознавание речи в суде, демонстрация электронных доказательств, автоматическое исправление ошибок в документах, автоматическая генерация электронного архива по делу, управление судебным процессом, а также анализ документов и доказательств и в окончательном варианте — предоставление макета (проекта) решения по рассмотренному судом делу.

Окончательное утверждение, подписание и оглашение судебного решения остается за судом. Опыт электронного правосудия в Китае с участием ИИ, законодательная база, обобщение правоприменительной практики и статистика могут быть полезны в России при модернизации российской судебной системы и механизмов судопроизводства.

Литература

1. Аносов А.В. Информационно-правовые вопросы формирования электронного правосудия в Российской Федерации : диссертация кандидата юридических наук / А.В. Аносов. Москва, 2016. 179 с.
2. Антонов А.В. Электронная демократия как политическо-правовой механизм согласования частных и публичных интересов / А.В. Антонов // Российская юстиция. 2017. № 12. С. 38–41.
3. Борисова Л.В. Электронное правосудие как форма судебной защиты в России / Л.В. Борисова // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6. С. 105–111. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.105-111
4. Брянцева О.В. Сравнительный анализ зарубежных систем электронного правосудия / О.В. Брянцева, О.А. Солдаткина // Вестник Поволжского института управления. 2019. Т. 19. № 6. С. 36–47.
5. Бурдина Е.В. Новые организационные формы отправления правосудия: опыт судов в Республике Казахстан / Е.В. Бурдина // Российский судья. 2021. № 1. С. 49–51.
6. Валеев Д.Х. Индикативный подход оценки основных параметров осуществления и доступа к правосудию в условиях цифровой экономики / Д.Х. Валеев, И.М. Костин // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 9. С. 58–63.
7. Карцхия А.А. Цифровые технологические (онлайн) платформы: российский и зарубежный опыт регулирования / А.А. Карцхия // Гражданское право. 2019. № 3. С. 25–28.
8. Клеандров М.И. Размышления на тему: может ли судьей быть робот? / М.И. Клеандров // Российское правосудие. 2018. № 6. С. 15–25.
9. Смирнов Е.Н. Цифровая трансформация мировой экономики: торговля, производство, рынки : монография / Е.Н. Смирнов. Москва : Мир науки, 2019. 95 с.
10. Фоков А.П. Электронное правосудие в Китайской Народной Республике: цифровая реальность и организация «умного суда» / А.П. Фоков // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 8 (135). С. 119–125.

Редакционная политика Объединенной редакции «Издательская группа «Юрист» запрещает:

1. Самоплагиат. В случае, если элементы научной статьи ранее были опубликованы, в том числе и в журналах Издательской группы «Юрист», автор обязан сослаться на ранее опубликованную работу. Дословное копирование собственных работ и их перефразирование не допускается, они могут быть использованы только в качестве основы для новых выводов.

2. Дословное копирование более 10 процентов работы другого лица без указания его авторства, ссылки на источник и использования кавычек.

3. Некорректное перефразирование произведения другого лица, при котором было изменено более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста, либо предложения были расположены в ином порядке без соответствующей ссылки на источник. Существенное некорректное перефразирование (более 10 процентов оригинальной работы) без ссылки на источник приравнивается к дословному копированию.

4. Использование составных частей произведения другого лица без указания авторства, например, абзаца, рисунка или таблицы без указания ссылки на источник или использования кавычек.

Кризис веры в справедливость уголовного судопроизводства: актуальное исследование или «научный спам» (размышления к статье И.А. Антонова).

Часть 2

Николюк Вячеслав Владимирович,
главный научный сотрудник научного центра исследования проблем правосудия
Российского государственного университета правосудия,
доктор юридических наук, профессор
nw56@mail.ru

Безруков Сергей Сергеевич,
начальник центра организационного обеспечения научной деятельности
Всероссийского научно-исследовательского института
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент
bss76@inbox.ru

Диваев Александр Борисович,
декан юридического факультета Кузбасского института
Федеральной службы исполнения наказаний,
кандидат юридических наук, доцент
divalex09@mail.ru

Предлагаемая вниманию читателя статья является продолжением анализа публикации профессора И.А. Антонова о кризисе веры в справедливость современного российского уголовного судопроизводства. В ней обозначаются проблемы, спонтанно отобранные И.А. Антоновым в качестве доказательств кризисных явлений в сфере предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел, приводятся альтернативные точки зрения по существу исследуемых вопросов. В заключение авторами формулируется вывод о том, что любые предложения о реформировании уголовно-процессуального законодательства должны соответствовать требованию научной обоснованности, могут вноситься исключительно по итогам обстоятельного исследования соответствующих институтов УПК РФ.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, справедливость уголовного судопроизводства, независимость судей, процессуальная самостоятельность следователя.

Проблематика и название статьи предполагали также системный анализ основных недостатков действующего уголовно-процессуального законодательства и сложившейся правоприменительной практики. На деле в ней представлена оригинальная авторская трактовка отдельных аспектов досудебного производства, круг которых определен стихийно, без использования объединяющего критерия. В него вошли:

— принципы и порядок формирования судейского корпуса и гарантии его «про-

цессуальной самостоятельности, независимости и безопасности»;

— противоречивость процессуального положения следователя, отнесенного законом к стороне обвинения, проблема обеспечения его независимости;

— участие прокурора в охране прав и свобод лиц, в отношении которых прекращено незаконное и необоснованное уголовное преследование (реабилитированных);

— нравственные начала деятельности следователя и их соотношение со следственной тактикой;

— порядок назначения прокуроров.

Большая часть из обозначенных вопросов не имеют прямого отношения к уголовному судопроизводству и в контексте избранной для исследования проблематики имеют символическое значение. Основное наше внимание сфокусировано на следующих затронутых в статье положениях.

Реализация функции расследования преступлений. В статье дается крайне негативная оценка следствию, однако без приведения соответствующих доказательств. В качестве одной из основных причин, обуславливающих неэффективность деятельности органов следствия, называется действующая система «ведомственно-процессуального контроля со стороны руководителя следственного органа, прокурорского надзора за законностью действий и решений органов предварительного расследования и судебного контроля принимаемых следователем решений в ходе рассмотрения жалоб и ходатайств о применении мер пресечения и производстве следственных действий». В представлении И.А. Антонова, работающего в академии Следственного комитета РФ «главным ученым» и по долгу службы обязанного профессионально разбираться в хитросплетениях досудебного производства, «предварительное расследование должно осуществляться в условиях, не допускающих никакого воздействия на следователя в какой-либо форме (путем противодействия, вмешательства, оказания давления, принуждения). Любой иной субъект уголовной юстиции также должен быть независим, и в этом смысле рассматриваемое положение должно иметь статус принципа уголовного судопроизводства». С этой целью предлагается дополнить ст. 8.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее — УПК РФ), одновременно изменив ее наименование на «Независимость лица, осуществляющего уголовное судопроизводство». В конце статьи формулируется вывод о том, что дополнительные гарантии самостоятельности и независимости позволят следователю «со всей ответственностью принимать законные, обоснованные и справедливые решения по уголовному делу без оглядки на ука-

зания руководителя следственного органа и прокурора»². Надо сказать, что это откровенно смелое и одновременно непрофессиональное суждение.

Приведенная в статье аргументация необходимости закрепления принципа независимости лица, осуществляющего уголовное судопроизводство, представляется достаточно поверхностной и неубедительной. Одним из основных доводов противников причисления независимости судей к категории принципов уголовного процесса выступает судоустройственный характер данного положения. Статуса принципа уголовного процесса подобные предписания удаиваться не могут. Положения каждого принципа должны получить надлежащее развитие в «рядовых» уголовно-процессуальных нормах. Совершенно очевидно, что для закрепления гарантий независимости, обеспечения безопасности должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, потребуется введение в УПК РФ (перенесение из текста ряда федеральных законов) значительного числа предписаний, не вписывающихся в структуру Кодекса.

Более того, отстаиваемый в статье вариант наделения следователя процессуальной независимостью не может ограничиться одним лишь введением обозначенных положений в уголовно-процессуальное законодательство. Со всей очевидностью потребуются кардинальный пересмотр и перестроение соотношения полномочий следователя, руководителя следственного органа, прокурора, судьи. В условиях продолжающейся длительное время судебной реформы, систематических, крайне несоответственных изменений норм уголовно-процессуального закона очередное перераспределение полномочий в сфере контроля и надзора за законностью производства предварительного расследования не повлечет скорых и сугубо позитивных последствий.

Нельзя не учитывать, что в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования по-прежнему допускается множество нарушений уголовно-процессуального законодательства. Так, в докладе Генерального прокурора Россий-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

² Антонов И.А. Современное российское уголовное судопроизводство: кризис веры в справедливость (часть I — Законодательство) // Мировой судья. 2021. № 5. С. 3–8.

ской Федерации на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации отмечается, что в 2020 г. после вмешательства прокуроров возбуждено 165 тыс. уголовных дел о преступлениях, не получивших своевременного учета. В истекшем году вновь увеличился удельный вес уголовных дел, оконченных следователями и дознавателями в срок свыше установленного законом. Помимо того, прокурорами отменены около 23 тысяч постановлений о прекращении уголовного дела и каждое третье постановление о приостановлении предварительного расследования. В абсолютных цифрах это более 400 тыс. уголовных дел, по которым не приняты все возможные меры для установления лиц, совершивших преступления, возмещения вреда, причиненного потерпевшим³. Приведенные и некоторые другие хорошо известные специалистам данные свидетельствуют о неоправданности расчета на принятие предельно независимым следователем исключительно законных и обоснованных решений. Более того, с учетом внесенного предложения о закреплении принципа независимости всех лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, в статье не раскрыт вопрос о независимости дознавателя, а равно о пределах лишения процессуальных полномочий руководителей следственных органов, начальников органов и подразделений дознания.

Вообще надо умудриться так упростить столь исторически сложную и относящуюся к одной из актуальных в теоретическом, законодательном и, главное, в прикладном аспектах проблему эффективности деятельности следователя, прокурора, руководителя следственного органа и судьбы в досудебном уголовном судопроизводстве. Фактически автором перечеркнута выработанная в течение многих десятилетий и закрепленная в УПК РФ концепция стадии предварительного расследования, а функция расследования преступлений представлена в гипертрофированном виде, поскольку, как полагает И.А. Антонов, она должна осуществляться «бесконтрольным» и «безнадзорным» от руководителя

следственного органа и прокурора следователем. Иначе как понимать уже приводившиеся выше слова ученого о том, что закон должен обеспечить следователю условия для принятия решения по уголовному делу «без оглядки на указания руководителя следственного органа и прокурора»?

В уголовно-процессуальной теории фактически общепризнано, что прокуратура — основной орган в системе обвинительной власти, а органы предварительного расследования должны расследовать преступления под надзором прокурора⁴. Постоянно осуществляется мониторинг деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве, результаты которого регулярно обсуждаются на парламентских слушаниях в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации⁵. Законодатель продолжает корректировать УПК РФ в части процессуальных полномочий прокурора.

Что касается руководителя следственного органа, то необходимо иметь в виду: досудебное производство сочетает в себе не только надзорные, но и контрольные отношения. Зарождение ведомственного процессуального контроля за деятельностью органов расследования связано с предоставлением в 1963 г. органам внутренних дел права осуществлять предварительное следствие с выделением фигуры начальника следственного отдела (ст. 127.1 УПК РСФСР) — прототипа современного руководителя следственно-

⁴ Александров А.С. Правовое положение прокурора на стадии предварительного расследования // Уголовный процесс. 2007. № 10. С. 16; Крюков В.Ф. Правовой статус прокурора в уголовном преследовании (досудебное и судебное производство): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 12–13; Быков В.М. Следователь в уголовном процессе России. М., 2014. С. 81; Гаврилов Б.Я. Прокурор в современном уголовном судопроизводстве: позиция ученого и мнение правоприменителя // Российская юстиция. 2020. № 3. С. 33–39; и др.

⁵ Стенограмма парламентских слушаний на тему «15 лет со дня принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: стратегия совершенствования уголовного правосудия» (20.12.2016); Стенограмма парламентских слушаний на тему «15 лет со дня введения в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: опыт межведомственного мониторинга реформы уголовного правосудия 2001–2003 годов» (29.06.2017). URL: <http://legislation.council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/> (дата обращения: 10.08.2021).

³ Доклад на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/interviews-and-presentations?item=61268868/> (дата обращения: 10.08.2021).

го органа (ст. 39 УПК РФ). Полномочия руководителя следственного органа не однородны и представляют собой: полномочия по осуществлению контроля и руководства предварительным следствием (проверять материалы уголовного дела, давать указания); полномочия процессуально-организационного характера, направленные на организацию предварительного следствия в подчиненном подразделении (поручать производство предварительного следствия, изымать уголовное дело у следователя); полномочия, связанные с самостоятельным устранением выявленных нарушений закона (отменять незаконные или необоснованные постановления следователя, возвращать уголовное дело следователю для производства дополнительного расследования)⁶.

Гарантией обеспечения процессуальной самостоятельности следователя выступают его право на обжалование исходящих от начальника следственного подразделения указаний, касающихся наиболее важных, определяющих судьбу уголовного дела решений. Специалистами отмечается, что объем процессуальной самостоятельности следователя зависит не от снижения объема полномочий руководителя следственного органа и прокурора, а от закрепления в УПК РФ исчерпывающего перечня полномочий следователя, а также от совместной ответственности следователя, руководителя следственного органа и прокурора за результаты производства по уголовному делу⁷.

С момента принятия Конституции Российской Федерации⁸ в российском уголовном процессе судебная власть реализуется и в досудебном производстве в форме судебного контроля за деятельностью органов предварительного расследования (п. 4–9, 10.1, 11 и 12 ч. 2 ст. 29, ст. 125, ч. 5 ст. 165 УПК РФ).

⁶ Табаков С.А. Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей и дознавателей органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009. С. 8–9.

⁷ Бегиев Х.Б. Реализация в современном уголовном судопроизводстве России норм процессуальной самостоятельности следователя : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2015. С. 10.

⁸ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант-Плюс».

Таким образом, российская (советская) модель досудебного производства характеризуется тем, что прокурор, руководитель следственного органа и суд призваны обеспечить режим законности в деятельности следователя, сохраняя при этом механизм отстаивания им своего внутреннего убеждения (процессуальной самостоятельности) при принятии основных решений по движению уголовного дела. В досудебном производстве участвуют четыре должностных лица — следователь, руководитель следственного органа, прокурор и судья. В период действия УПК РФ продолжается поиск определения оптимального правового положения прокурора в уголовном преследовании, предпринимаются попытки делегирования либо изъятия у руководителя следственного органа контрольно-управленческих полномочий по руководству предварительным следствием, уточняется предмет судебного контроля. Вопрос о разрушении не только указанной процессуальной, но и управленческой по отношению к следствию конструкций в настоящее время не стоит.

Предельно декларативным, на наш взгляд, является и предъявление требования справедливости к решениям, принимаемым в ходе досудебного производства по уголовному делу. С учетом изменившихся положений уголовного законодательства, появления в уголовном процессе норм и институтов, исключающих привлечение к уголовной ответственности либо существенно смягчающих размер назначаемого виновному наказания (например, прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, прекращение уголовного преследования в связи с возмещением ущерба, особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве), обеспечить безусловную реализацию требования справедливости при постановлении приговора далеко не всегда способен даже суд. Оценка же справедливости решений следователя до принятия судом итогового решения по уголовному делу, как представляется, и вовсе лишена смысла.

Независимость судей. Регламентацию в ст. 8.1 УПК РФ принципа независимости судей И.А. Антонов признает не толь-

ко несовершенной, но и негативно сказывающейся на деятельности по отправлению правосудия. Автор убежден, что сами по себе положения анализируемой статьи УПК РФ, не подкрепленные надежной системой гарантий, не исключают давления на судью. Подлинная независимость судей возможна лишь при условии создания действенного механизма обеспечения процессуальной самостоятельности, независимости и безопасности судей.

Вместе с тем, критикуя современное уголовно-процессуальное законодательство за отсутствие в нем действенного механизма обеспечения гарантий независимости судей, он не обозначает даже приблизительных очертаний подобного механизма, способного гарантировать независимость уже всех лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. Не вызывает никаких сомнений, что простым переименованием ст. 8.1 УПК РФ невозможно даже приблизиться к решению обозначенной проблемы. Фрагмент статьи в части авторского понимания стратегии развития механизма осуществления уголовного правосудия производит удручающее впечатление. Масштабность и комплексность указанной проблемы не могут быть сведены к порядку назначения мировых судей, праву судьи на самоотвод в случае, когда на него оказывается воздействие, принятию мер безопасности судей.

В Постановлении IX Всероссийского съезда судей от 8 декабря 2016 г. № 1 «Об основных итогах функционирования судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития на современном этапе» основными направлениями развития судебной системы названы: обеспечение доступа граждан и организаций к правосудию, его максимальная открытость и прозрачность, реализация принципа независимости и объективности при вынесении судебных решений.

Указанные направления развития судебной системы предполагают решение целого ряда задач: повышение качества и доступности правосудия, авторитета судебной власти; совершенствование видов судопроизводства, законодательных гарантий на получение гражданами полной и достоверной информации о деятельности судов; разработка уголовно-правовой концепции государства с целью упорядочения изменений, вносимых в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство; укрепление кадрового состава судебной си-

стемы и гарантий статуса судей; оптимизация и законодательное определение норм служебной нагрузки судей; укрепление социальных гарантий судей, включая повышение денежного вознаграждения, реализацию прав на медицинское обслуживание и санаторно-курортное лечение, обеспечение судей жилыми помещениями; повышение оплаты труда и социальных гарантий работников аппаратов судов и системы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации⁹.

Поставленные государством и судебским сообществом задачи в области судебной деятельности являются долгосрочными в ранге требующих для их решения стратегических модернизационных преобразований не только собственно судебной системы страны, но и всего организационно-правового механизма отечественного правосудия. В стране проводится колоссальная работа в этом направлении, и нельзя не признать, что в течение последних 10–15 лет наблюдается поступательное позитивное развитие механизма судебной власти Российской Федерации, его судоустройственной, судопроизводственной и судейско-статусной составляющих¹⁰. Вполне очевидно, что необходима предварительная основательная научная проработка каждого вектора этих преобразований, а не произвольное «выдергивание» с вольным поверхностным комментарием важных, но все же частных проблем из общего контекста всего многозвенного механизма правосудия, реализуемого также посредством уголовного судопроизводства.

Считаем уместным обратить внимание и на то, что необоснованно и неэтично выглядят утверждения автора, касающиеся несамостоятельности судей, их ангажированности, зависимости от неких «собственных чиновников». В отсутствие конкретных примеров подобные выпады в отношении судей и сотрудников правоохранительных органов не имеют ничего общего с наукой.

⁹ Постановление IX Всероссийского съезда судей от 8 декабря 2016 г. № 1 «Об основных итогах функционирования судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития на современном этапе» // Российское правосудие. 2017. № 2 (130). С. 28–29.

¹⁰ Клеандров М.И. О стратегии развития механизма власти в Российской Федерации // Российское правосудие. 2017. № 10 (138). С. 32–44.

Участие прокурора в делах о возмещении вреда реабилитированному. Весьма своеобразно описана в статье ситуация с участием прокурора в судебном производстве по вопросу о возмещении вреда реабилитированному. Авторское утверждение о том, что судья вправе «привлечь» прокурора к участию в судебной процедуре, предусмотренной ст. 399 УПК РФ, не соответствует закону. Участие прокурора в судебном заседании по делу о возмещении вреда реабилитированному необязательно. Принимая участие в таких делах и следуя действующему законодательству, прокурор, считает И.А. Антонов, «ориентирует себя на сбор и предоставление суду доказательств необоснованности заявленных реабилитированным требований о возмещении причиненного вреда, а также требует уменьшения размера выплаты». Для того чтобы прокурор не занимал позицию стороны, противостоящей реабилитированному, в судебное заседание, по мнению автора, должен приглашаться прокурор, не участвовавший в рассмотрении уголовного дела. «Именно таким образом представитель органов прокуратуры будет, как того требуют Конституция Российской Федерации и законодательство о прокуратуре, стоять на страже законности и содействовать восстановлению справедливости».

С приведенными суждениями трудно согласиться, поскольку они не отражают смысл и содержание норм УПК РФ, определяющих предмет и пределы надзорной деятельности прокурора в судебных производствах о возмещении вреда реабилитированному. Полноценному участию в судебном процессе в качестве стороны, отстаивающей интересы общества и государства, которые, несомненно, включают и интересы компенсации вреда реабилитированному, восстановления его прав, не препятствует поддержание прокурором обвинения по уголовному делу, закончившемуся постановлением обвинительного приговора.

Кроме того, порядок участия прокурора в судебных производствах о возмещении вреда реабилитированному определяется правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, суть которой в следующем: положения ч. 5 ст. 135 и ч. 6 ст. 399 УПК РФ, допуская участие прокурора в судебном заседании при рассмотрении требования реабилитированного лица о возмещении имущественного вре-

да, причиненного ему в связи с незаконным или необоснованным уголовным преследованием, предполагают, что прокурор не выступает в этой процедуре в качестве процессуального оппонента (противника) реабилитированного, а обеспечивает доведение до суда необходимого для решения вопроса о возмещении такого вреда сведений¹¹.

Иные вопросы. В первой части «исследования» И.А. Антонов сетует на то, что законодателью при принятии УПК РФ 2001 г. нужно было бы отразить в его положениях некие институты уголовно-процессуального права, с тем чтобы «система прав участников уголовного процесса, баланс интересов сторон, процедура уголовно-процессуального доказывания и роль судьи в деле свидетельствовали о нравственных основах отправления правосудия, о правозащитном предназначении уголовного судопроизводства». Однако вне конкретных предложений высказанное мнение — не более чем популистское заявление. О каких именно институтах идет речь, автор так и не пояснил.

Интригующе звучит вывод И.А. Антонова о том, что уголовно-процессуальное право есть «самая политизированная отрасль права», что на самом деле вовсе не так. По крайней мере, с конституционным правом эта отрасль в степени политизированности вряд ли сравнится. А факт того, что именно в уголовно-процессуальном законе находят отражение все наиболее существенные права и свободы человека и гражданина говорит вовсе не о политизации уголовного судопроизводства. Данное обстоятельство подчеркивает значение уголовно-процессуальной формы как единственной гарантии, способной защитить личность от посягательства со стороны государства.

Демагогичными, по сути, выглядят утверждения автора статьи о «нравственных началах работы следователя», о том, что «закон должен олицетворять правду», «идеях человеколюбия» как отправных постулатах законодательной и правоприменительной практик.

¹¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.И. Бондаренко» // СПС «КонсультантПлюс».

Мы могли бы продолжать ряд критических высказываний в отношении рецензируемой работы, однако думается, что ограничимся сказанным. Представляется, что изложенного уже достаточно, чтобы создать о ней впечатление. И впечатление это неблагоприятное. Поэтому смеем надеяться, что наш критический, в какой-то степени даже жесткий разбор сочинения И.А. Антонова даст пищу для размышлений и предостережет других исследова-

лей от попыток за счет взятых автором на вооружение приемов «поверхностного взгляда на законодательство», «незначительного углубления в законодательное регулирование», «не углубляясь в подробный анализ уголовного, уголовно-процессуального и иного законодательства», «не вдаваясь в глубокую полемику» давать научно необоснованные негативные оценки состоянию современного уголовного судопроизводства.

Литература

1. Александров А.С. Правовое положение прокурора на стадии предварительного расследования / А.С. Александров // Уголовный процесс. 2007. № 10. С. 14–16.
2. Антонов И.А. Современное российское уголовное судопроизводство: кризис веры в справедливость (часть I — законодательство) / И.А. Антонов // Мировой судья. 2021. № 5. С. 3–8.
3. Бегиев Х.Б. Реализация в современном уголовном судопроизводстве России норм процессуальной самостоятельности следователя : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Х.Б. Бегиев. Волгоград, 2015. 28 с.
4. Быков В.М. Следователь в уголовном процессе России / В.М. Быков. Москва : Юрлитинформ, 2014. 336 с.
5. Гаврилов Б.Я. Прокурор в современном уголовном судопроизводстве: позиция ученого и мнение правоприменителя / Б.Я. Гаврилов // Российская юстиция. 2020. № 3. С. 33–39.
6. Клеандров М.И. О стратегии развития механизма власти в Российской Федерации / М.И. Клеандров // Российское правосудие. 2017. № 10 (138). С. 32–44.
7. Крюков В.Ф. Правовой статус прокурора в уголовном преследовании (досудебное и судебное производство) : автореферат диссертации доктора юридических наук / В.Ф. Крюков. Москва, 2012. 52 с.
8. Постановление IX Всероссийского съезда судей от 8 декабря 2016 г. № 1 «Об основных итогах функционирования судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития на современном этапе» // Российское правосудие. 2017. № 2 (130). С. 9–29.
9. Табаков С.А. Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей и дознавателей органов внутренних дел : автореферат диссертации кандидата юридических наук / С.А. Табаков. Омск, 2009. 26 с.

Уважаемые авторы!

Для оформления заказа на приобретение одного и/или нескольких печатных экземпляров журнала с опубликованной статьей просим вас при получении уведомления о включении вашей статьи в содержание журнала обратиться в авторский отдел по телефону: 8 (495) 953-91-08, или по электронной почте: avtor@lawinfo.ru

Качество законодательной регламентации правового положения органов дознания в ст. 40 УПК Российской Федерации

Фадеев Илья Александрович,
старший преподаватель кафедры теории и методологии
государственного управления Академии управления
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук
ilya-fadeev@yandex.ru

В настоящей статье исследуется содержание ст. 40 УПК РФ, регламентирующей правовое положение органов дознания в уголовном процессе Российской Федерации. Базовые термины, в ней используемые, представляются несовершенными в связи с тем, что их юридическая формула ни в коей мере не отражает реального положения дел. В прикладной плоскости это заметно умножает случаи вынужденного нарушения режима законности властными и некоторыми другими участниками досудебного производства.

Ключевые слова: дознаватель, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, орган дознания, дознание, форма предварительного расследования, функция, полномочия, оперативно-разыскная деятельность, органы исполнительной власти.

В развитие темы разговора, обсуждавшейся автором настоящей статьи в предыдущей его публикации, следует подчеркнуть, что п. 2 ч. 1 ст. 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее — УПК РФ) в число органов дознания включает органы принудительного исполнения Российской Федерации. Часть 1 статьи 5 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»² принудительное исполнение судебных актов и др. возлагает на Федеральную службу судебных приставов (ФССП) и ее территориальные органы. Непосредственное осуществление обозначенных функций возлагается на судебных приставов-исполнителей структурных подразделений ФССП России и судебных приставов-исполнителей структурных подразделений территориальных органов ФССП России (ч. 2).

Надо заметить, что структурные подразделения ФССП России, производящие дознание, именуются здесь отделами *организации дознания и административной*

*практики*³. Они функционируют в соответствии с Приказом ФССП России от 16 февраля 2005 г. № 20 «Об утверждении положения об отделе по организации дознания и административной практики территориального органа ФССП»⁴, разработанным во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1316 «Вопросы Федеральной службы судебных приставов»⁵.

Из сопоставительного анализа перечисленных и имеющихся в УПК РФ тематически увязанных норм логически вытекает, что *органом дознания* в системе ФССП России следует признавать, прежде всего, саму *ФССП России*. Вынужденно домысливая приведенные нормативные правовые установления, приходится соглашаться с декларациями ч. 4 ст. 40 УПК РФ, которая специально оговаривает, что в органах принудительного исполнения Российской Федерации пол-

³ Здесь и далее курсив автора.

⁴ Приказ ФССП России от 16 февраля 2005 г. № 20 «Об утверждении положения об отделе по организации дознания и административной практики территориального органа ФССП» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1316 «Вопросы Федеральной службы судебных приставов» // СЗ РФ. 2004. № 42. Ст. 4111.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «Об исполнительном производстве» // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

номочия начальника органа дознания осуществляет главный судебный пристав Российской Федерации, главные судебные приставы субъектов Российской Федерации, их заместители и старшие судебные приставы⁶.

Подобный законодательный (технико-редакционный) прием вызывает нарекания в адрес парламентариев, поскольку во внутренней структуре поименованного ведомства наличествуют и другие подразделения, не имеющие к органам и подразделениям (ведомственному) дознания никакого отношения. К тому же подразделения, уполномочиваемые на производство дознания, как уже отмечалось, называются здесь *отделами организации дознания и административной практики*, что порождает формальные несоответствия между их официальным статусом (по штатному расписанию) и правовым положением в уголовном процессе.

Наделение же функциями начальника органа дознания первых должностных лиц данного ведомства, не принимающих, по обыкновению, непосредственного (живого) участия в производимых дознавателями расследованиях, носит исключительно декларативный (показательный) характер.

Опять же очевидно, что во всех обозначенных случаях законодатель к органам дознания относит и государственные *органы*, и (косвенно) их структурные *подразделения*, функции по производству дознания в которых так или иначе отведены сотрудникам первичного (низового) звена.

Представляется, что традиция именовать организации и учреждения, а в ряде случаев и первых, в том числе единственных, должностных лиц органами дознания, в Российской Федерации сложилась исторически, хотя многочисленными морфологическими словарями термин «орган» определяется однозначно: государственное (общественное) учреждение или организация⁷.

Аналогично детерминируется и однокоренное слово «организация»⁸, что исключает на корню потребность в адаптации термина «орган» к положению конкретного должностного лица. В любом случае именовать руководителей даже высокого ранга органами дознания неприемлемо, несмотря на то что в ряде случаев, от этого, по всей видимости, пока не уйти.

Пункт 3 ч. 1 ст. 40 УПК РФ к органам дознания относит начальников *органов* военной полиции, *командиров* воинских частей (соединений), *начальников* военных учреждений и гарнизонов, т.е. опять-таки *руководящих должностных лиц*, для которых функция по производству дознания является вспомогательной и, добавим от себя, временительной. В обсуждаемой норме обращает на себя внимание словосочетание «*органы военной полиции*», а не просто «*полиции*», как это наблюдается в п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ, в которой она позиционируется как *подразделение органа* внутренних дел.

Пункт 4 ч. 1 ст. 40 УПК РФ в число *органов дознания* включает также *органы* государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы, претерпевающие, по сути, те же организационно-правовые несурезицы, что ФССП России и Федеральная таможенная служба (ФТС России)⁹.

Часть 2 ст. 40 УПК РФ возлагает на органы дознания полномочия по производству дознания в полном объеме (гл. 32 УПК РФ); выполнению неотложных следственных действий по уголовным делам, подследственным органам предварительного следствия (ст. 157 УПК РФ) и осуществлению иных, предусмотренных УПК РФ, полномочий (п. 1–3)¹⁰.

Некоторые авторы убеждены в том, что, не упомянув в числе *органов дознания должностных лиц*, перечисленных в ч. 3 ст. 40 УПК РФ, законодатель тем не менее в комментируемой норме продекларировал, что начало предварительного расследования в порядке, определенном ст. 146 УПК РФ, а также выполнение неотложных следственных действий в равной мере возлагается и на «сторонних» субъектов уголовно-про-

⁶ Введена Федеральным законом от 24 марта 2021 г. № 49-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”» // СПС «Консультант-Плюс».

⁷ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН: Российский фонд культуры. 3-е изд., стереотип. М.: Азъ, 1995. С. 449.

⁸ Там же.

⁹ Далее – ФТС. – Прим. авт.

¹⁰ Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 16.

цессуальных правоотношений. Таким образом, он опустил какие-либо внятные объяснения по поводу их принадлежности к иным, а не к правоохранительным органам, отнеся к субъектам производства дознания:

1. Капитанов морских и речных судов, находящихся в дальнем плавании (по уголовным делам о преступлениях, совершенных на данных судах).

Статья 69 Кодекса торгового мореплавания (КТМ) Российской Федерации¹¹ гласит, что при обнаружении на судне, находящемся в прибрежном или заграничном плавании, признаков преступления его капитан выступает в качестве органа дознания, руководствуясь при этом УПК РФ. Более подробно его обязанности регулируются Инструкцией о производстве дознания на судах, находящихся в плавании, утвержденной Приказом Генерального прокурора Российской Федерации по согласованию с рядом заинтересованных ведомств¹².

2. Руководителей геологоразведочных партий и зимовок, начальников российских антарктических станций и сезонных полевых баз, удаленных от мест расположения органов дознания, указанных в ч. 1 ст. 40 УПК РФ (по уголовным делам о преступлениях, совершенных по месту нахождения этих партий, зимовок, станций, сезонных полевых баз)¹³.

3. Глав дипломатических представительств и консульских учреждений Российской Федерации (по уголовным делам о преступлениях, совершенных в пределах территорий данных представительств и учреждений)¹⁴.

Оценивая сложившуюся ситуацию с позиций законодательной техники, следует особо осознать, что указанные в ч. 3

ст. 40 УПК РФ должностные лица позиционируются в ней исключительно как органы дознания, ибо исследуемая статья так и называется «Органы дознания», что не требует каких-либо дополнительных пояснений. Тем не менее то обстоятельство, что расследованием преступлений в форме дознания приходится заниматься порой (первым) должностным лицам, не являющимся к тому же сотрудниками правоохранительных органов, никак не вписывается в общепринятый регламент стадии предварительного расследования, о чем российским ученым следовало бы поразмышлять отдельно. Сказанное приводит к тому, что расследованием преступлений, совершаемых, например, в юрисдикции дипломатических представительств и консульских учреждений, т.е. на территории Российской Федерации, подчас приходится заниматься полиции стран (их) пребывания.

В связи с этим представляется, что *считать органами дознания первых, а порою и единственных должностных лиц*, не всегда являющихся сотрудниками правоохранительных органов, совершенно неприемлемо. Скорее всего, им следует придавать персональный правовой статус — главных дознавателей с особыми полномочиями.

Так или иначе, но от понятия «орган дознания» необходимо избавляться; в противном случае дознавателями, в частности в органах внутренних дел, придется считать всех штатных сотрудников, включая кадровиков и технико-вспомогательных работников¹⁵. Целесообразно отречься и от понятия «начальник органа дознания», тем более что его правовой статус в УПК РФ никак не закреплён.

К слову, заметим, что в теории уголовного процесса понятия «орган дознания» и «начальник органа дознания» подчас уравниваются, хотя для подобных умозаключений нет решительно никаких оснований. Согласно пункту 17 ст. 5 УПК РФ, начальником органа дознания считается должностное лицо органа дознания, его заместитель (и все)... (далее по тексту). В силу изложенного законодательная дефиниция его правового статуса требует серьезной переоценки.

Адекватные недочеты проявляются и в других пунктах ст. 5 УПК РФ (например, п. 11, 19, 33, 38), где основным субъектом принятия решений и выполнения

¹¹ Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 23 октября 2014 г. № 150 «Об утверждении Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов» // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ См., например: URL: https://studref.com/561965/pravo/organy_doznaniya (дата обращения: 05.09.2021).

¹⁴ Подробнее: см.: URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/26944-osobennosti-rassledovaniya-prestuplenij-sovershennykh-raspolozhenii-diplomaticheskikh-predstavitelstv> (дата обращения: 05.09.2021).

¹⁵ Фадеев И.А. Органы дознания в системе МВД Российской Федерации // Вестник Академии права и управления. 2021. № 2 (63). С. 73–78.

процессуальных действий выступает *орган дознания*, т.е., грубо говоря, коллектив. Очевидно, что орган дознания сам по себе перечисленные акты (решения и действия) осуществлять не в состоянии. Непосредственным адресатом и исполнителем в описываемых случаях должен являться персонифицированный субъект уголовно-процессуальных правоотношений, желательно не начальствующий.

Игнорирование указанных технико-редакционных замечаний неизбежно приводит к их тотальному умножению, а стало быть, неконтролируемому загромождению УПК РФ и федерального законодательства в целом.

Так, согласно п. 47 ст. 5 УПК РФ, полицию приходится рассматривать в качестве равноправного участника уголовного процесса в статусе *органа дознания* со стороны обвинения. Статья 1 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»¹⁶ (далее — Федеральный закон № 3-ФЗ) провозглашает, что полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод населения, <...> для *противодействия преступности* и т.д.¹⁷ По ходу заметим, что используемый в данном контексте термин «*противодействие преступности*», получивший широкое распространение в законодательной практике¹⁸, в ведомственных нормативных правовых актах¹⁹ и в научном обиходе российских ученых, вызывает серьезные возражения. Его вольная интерпретация вносит смятение в нестройные ряды многочисленных реформаторов, стремящихся не к месту и не ко времени употреблять малознакомые формулировки подобного рода. Суть вопроса заключается в том, что противодействие (читай: *сопротивление*. — И.Ф.) *преступности* как социальному явлению невозможно в принципе. Несостоятельно оно и в отношении единичных преступлений.

В противном случае придется трактовать обсуждаемое выражение и в отношении дознавателей, потенциально способных противодействовать подозреваемым (обвиняемым) и связанным с ними лицам.

Часть 1 ст. 4 Федерального закона № 3-ФЗ декларирует, что полиция является составной *частью* единой централизованной *системы* федерального *органа* исполнительной власти в сфере внутренних дел, а в ч. 2 уточняется, что в ее *состав*, в свою очередь, «могут входить *подразделения, организации и службы*...».

Представляется, что в обсуждаемом формате игнорируются конкретные исполнители — должностные лица, в то время как именно они несут бремя реальной ответственности за осуществление возложенных на полицию функций. Более подробно, но не менее уязвимо, отмеченные вопросы урегулированы в Типовом положении об отделе (отделении, пункте) полиции территориального органа МВД России на районном уровне, утвержденном Приказом МВД России от 1 сентября 2017 г. (в ред. от 26.06.2020) № 690²⁰.

Нетрудно заметить, что, концентрируя внимание на наличии в органах внутренних дел (*органах дознания*), *полиции*, в свою очередь, являющейся *органом дознания*, законодатель в анализируемой норме иносказательно отнес к таковым и ее собственные (внутренние) подразделения. При этом образовалась неясность: кого он, собственно, имел в виду под «*структурным подразделением*» — саму полицию как *составную часть* органа внутренних дел или наличествующие в ней не менее внутренние *подразделения*?

Приоритетные направления деятельности полиции как органа дознания выделены в ст. 2 Федерального закона № 3-ФЗ; в ее ведение, среди прочего, включено обнаружение преступлений и лиц, их совершивших, а также производство дознания по уголовным делам «своего ведения» (п. 3).

¹⁶ Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 11.06.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.08.2021) «О полиции» // СПС «Консультант-Плюс».

¹⁷ Там же.

¹⁸ Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 26.05.2021) «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (часть I). Ст. 6228.

¹⁹ Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 15 мая 2010 г. № 209 «Об усилении прокурорского надзора в свете реализации национальной стратегии противодействия коррупции» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ Типовое положение о линейном отделе МВД России на железнодорожном, водном и воздушном транспорте, утвержденное приказом МВД РФ от 15 июня 2011 г. № 636; Типовое положение о территориальном органе МВД России по субъекту РФ, утвержденное Указом Президента России от 21 декабря 2016 г. № 699; Типовое положение о территориальном органе МВД России на районном уровне, утвержденное приказом МВД России от 5 июня 2017 г. № 355 // СПС «Гарант».

Как видим, в процитированной норме акцент сделан на том, что *полиция как орган дознания* уполномочена выполнять поручения *органа дознания*, под каковым, надо полагать, здесь подразумеваются органы внутренних дел. При этом ей не возбраняется смешение уголовно-процессуальных и оперативно-разыскных функций, с чем не очень агрессивно и не очень убедительно стремятся бороться ревностные представители российской научной общественности (и мысли).

В силу изложенного думается, что назрела реальная потребность в переосмыслении норм УПК РФ в части, касающейся правового положения органов и подразделений дознания, а равно их должностных лиц²¹.

²¹ Гаврилов Б.Я. Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1 (37). С. 18–25.

Литература

1. Гаврилов Б.Я. Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования / Б.Я. Гаврилов // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1 (37). С. 18–25.
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 3-е изд., стереотип. Москва: Азъ, 1995. 997 с.
3. Старостин С.А. Система МВД России: современное состояние и перспективы развития / С.А. Старостин // Актуальные проблемы совершенствования деятельности органов внутренних дел в условиях конституционного развития Российской Федерации: сборник научных статей / редактор Н.А. Кокурина; ответственные за выпуск В.В. Барбин, О.Н. Громова. Москва: Академия управления МВД России, 2007. С. 6–13.
4. Фадеев И.А. Органы дознания в системе МВД Российской Федерации / И.А. Фадеев // Вестник Академии права и управления. 2021. № 2 (63). С. 73–78.

В МВД России назрели кардинальные перемены, ориентированные на активизацию преимущественно полицейских функций, упрощение его организационной структуры, а стало быть, повышение эффективности управления и им, и в нем²².

В силу изложенного представляется, что описанные в настоящей статье авторские замечания и рекомендации технико-редакционного толка должны быть учтены парламентариями при дальнейшем совершенствовании уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

²² Старостин С.А. Система МВД России: современное состояние и перспективы развития // Актуальные направления совершенствования деятельности органов внутренних дел в условиях конституционного развития Российской Федерации: сб. научн. ст. М.: Академия управления МВД России, 2007. С. 7.

Президиум Верховного Суда РФ представил третий обзор судебной практики в 2021 году

Обзор включает в себя правовые позиции по разрешению споров, возникающих из договорных отношений, споров, связанных с исполнением обязательств, с защитой исключительных прав, споров, возникающих в сфере социальных отношений, и пр.

Рассмотрены в том числе практики применения законодательства о несостоятельности (банкротстве), законодательства о юридических лицах, гражданского законодательства, законодательства об энергоснабжении и оказании коммунальных услуг, споры, связанные с содержанием общего имущества в многоквартирном доме и управлением многоквартирным домом, споры, связанные с оказанием услуг по обращению с твердыми коммунальными отходами, вопросы применения законодательства о налогах и сборах и об обязательных страховых взносах во внебюджетные фонды и др.

Также даны разъяснения по некоторым вопросам, возникающим в судебной практике.

См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.11.2021)

О перспективах развития института судебного примирения

Котлярова Вера Викторовна,
доцент кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права
Самарского национального исследовательского университета
имени академика С.П. Королева,
кандидат юридических наук
vera-er@mail.ru

В статье рассматриваются отдельные вопросы, связанные с реализацией института судебного примирения. Судебному примирителю в рассматриваемой процедуре отведена активнейшая роль, что представляется оправданным, поскольку такое инициативное содействие может привести к скорейшему урегулированию спора мирным путем. Представляется целесообразным расширение круга прав судебного примирителя. Отмечается малое количество посредников для реализации рассматриваемой процедуры. Для того чтобы сделать заключение об эффективности или неэффективности примирительной процедуры, необходимо время для ее апробации на практике, после чего возможно внесение кардинальных законодательных изменений и дополнений, в связи с чем на данный момент делать какие-либо выводы преждевременно. С введением судебного примирения дальнейшее развитие института медиации, уже не оправдавшего своих ожиданий, сомнительно.

Ключевые слова: примирительная процедура, судебное примирение, судебный примиритель, медиация.

Судебное примирение как одно из видов примирительных процедур предусмотрено современным процессуальным законодательством (ст. 153.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации¹, ст. 138.5 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации², ст. 137.6 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации³). Суд в рамках реализации своих полномочий в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве принимает меры для примирения сторон, содействует им в урегулировании спора, в том числе путем обращения к судебному примирению. К процедуре судебного примирения стороны могут прибегнуть, если они самостоятельно, например с помощью переговоров, не могут достигнуть взаимовыгодного соглашения, но есть шанс прийти к конструктивному решению при содей-

ствии посредника, не дожидаясь вынесения судебного акта.

Понятие судебного примирения как примирительной процедуры законодателем не раскрывается. Нормативного акта, регламентирующего порядок проведения рассматриваемой процедуры, на законодательном уровне не принято. На данный момент основные вопросы, связанные с реализацией судебного примирения, урегулированы Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) от 31 октября 2019 г. № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения»⁴ (далее — Регламент). Бесспорно, указанный документ в настоящее время пока является сырым, требующим корректировок, которые будут обязательно вноситься с учетом правоприменительного опыта, но стоит положительно отметить его принятие, поскольку ВС РФ положено начало внедрения и развития потенциально перспективной процедуры судебного примирения (после неудачной попытки введения медиации). Так, как определил ВС РФ, применение судебного примирения осуществляется для реализации ряда за-

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 16.11.2021) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

³ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 30.04.2021, с изм. от 15.07.2021) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 2019 г. № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» // Бюллетень ВС РФ. 2020. № 1.

дач судопроизводства, направленных на урегулирование споров мирным путем, сохранение и развитие деловых отношений между сторонами, выработку обычаев делового оборота. В качестве основной цели примирительной процедуры выделяются достижение взаимоприемлемого результата и ликвидация конфликта. Для продвижения к указанной цели необходимо совершить действия, сформулированные органом высшей судебной инстанции в качестве подлежащих выполнению задач: проанализировать интересы сторон, скоррелировать и максимально сблизить их позиции, найти и применить дополнительные способы для примирения участников процедуры, оказывать помощь в достижении взаимоприемлемого результата.

Основными принципами судебного примирения выступают те основополагающие начала, на которых базируются и в соответствии с которыми осуществляются примирительные процедуры. Принцип добровольности заключается в том, что вся процедура осуществляется по воле ее участников, исключая какое-либо принуждение извне. Взаимосвязанные принципы сотрудничества и равноправия сторон проявляются в стремлении к содействию друг другу в целях ликвидации конфликта и в обладании равными возможностями на совершение процедурных действий. В силу принципа конфиденциальности установлен запрет разглашения и распространения всей информации, относящейся к процедуре, без письменного согласия сторон. Содержание принципа добросовестности не раскрывается ВС РФ, но представляется, что он состоит в стремлении участников процедуры осуществлять свои права в соответствии с их содержанием и объемом, исполнять принятые на себя обязательства должным образом, а также не допускать нарушения своим поведением субъективных прав и законных интересов других лиц.

Согласно принципу независимости и беспристрастности примирителя, обеспечивается нейтральное и справедливое отношение к участникам конфликта, обладающим равными правами на участие в процедуре. Отсутствие заинтересованности примирителя в конфликте выступает важным критерием, когда в случае каких-либо сомнений посредник обязан сообщить данную информацию суду и сторонам. При этом судебный примиритель, не являясь процессуальной фигурой, независим и осуществляет свою деятельность самостоятельно, без участия судьи. В то же время вызывает сомнения вопрос корректности реализации данного принципа в свете установленных полномочий судебного примирителя, которому отведена активнейшая роль в рассматриваемой процеду-

ре. Так, он не только разъясняет сторонам законодательство и практику его применения, но и дает рекомендации в целях скорейшего урегулирования спора и в определенных случаях предлагает сторонам свои варианты урегулирования спора (ст. 14 Регламента), что дает основания предположить, что посредник вправе оказывать некое влияние на участников конфликта. В то же время, по общему правилу, никакое волевое воздействие на стороны процедуры не допускается. По аналогии с медиацией медиатор должен сохранять нейтральность, быть объективным и справедливым без проявления предпочтения или предоставления преимуществ какой-либо из сторон. При этом медиатор не имеет права оказывать юридическую, консультационную или иную помощь какой-либо стороне (ст. 15 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»⁵). Очевидно, что судебный примиритель играет в примирении более активную роль по сравнению с медиатором. В связи с этим в юридической литературе рядом ученых предлагается исключение указанных выше полномочий в силу того, что наделение ими судебного примирителя является «избыточным»⁶. В то же время данный подход органа высшей судебной инстанции представляется оправданным, поскольку для русского менталитета свойственно надеяться, что спор будет разрешен чьим-либо волевым решением, нежели пытаться самостоятельно его урегулировать (из чего исходит фактор большего доверия населения судебной власти). На наш взгляд, в целях эффективного урегулирования правового спора его участникам важно дать правовые рекомендации, проанализировать результативность выбранных сторонами способов защиты гражданских прав, дать оценку судебной перспективы, предложить оптимальный способ ликвидации конфликта и т.д., что вполне будет соответствовать их ожиданиям. Именно такое активное содействие может привести к скорейшему урегулированию спора мирным путем и популяризации рассматриваемой процедуры, в связи с чем решение наделить судебного примирителя данными полномочиями нельзя не оценить положительным образом.

⁵ Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СЗ РФ. 2010. Ст. 4162.

⁶ Левушкин А.Н., Воробьев В.В. Некоторые проблемы применения судебного примирения (медиации) при разрешении споров в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 5. С. 135–143.

В связи с этим представляется целесообразным расширение круга прав судебного примирителя в части наделяния правом оказывать консультационную и иную помощь сторонам при разработке вариантов урегулирования спора с учетом интересов всех участников конфликта.

Кроме того, отмечается слишком малое количество судебных примирителей⁷, утвержденных Постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации⁸. Очевидно, это связано с невысокой востребованностью самой процедуры, но в случае ее успешного внедрения и распространения списочный состав примирителей будет расширяться. Однозначно вследствие проблемы отсутствия правового информирования населения о возможностях примирения судебная защита прав и законных интересов остается наиболее предпочтительной. Необходимо просвещение граждан с помощью средств массовой информации о существовании альтернативных способов урегулирования споров, положительных аспектах отдельных процедур, в частности о безвозмездности услуг судебного примирителя, поскольку данный факт мало кому известен (услуги судебного примирителя бесплатны для лиц, участвующих в деле, поскольку оплата его труда осуществляется за счет средств федерального бюджета, а услуги медиатора, как правило, отнюдь не безвозмездны).

В целях повышения количества обращений участников спора к судебному примирению и снижения судебной нагрузки в научной литературе предлагается «закрепление обязательности обращения к примирительной процедуре либо презумпции согласия на ее проведение», когда по отдельным категориям дел судебное примирение будет необходимым элементом этапа подготовки к судебному разбирательству или проведение процедуры будет осуществляться по инициативе суда при условии согласия сторон⁹. Бесспорно, в указанных предложениях содержится рациональное зерно, поскольку в нынешних реалиях повысить иным способом, кроме как принудительным, уровень количества обращений к судебному примирению крайне сложно. В то же время нельзя забывать, как совершенно точно отмечено

Е.А. Борисовой, что «примирительные процедуры — не замена судебному разбирательству. Примирительные процедуры — дополнительная опция, которую стороны самостоятельно или по предложению судьи могут добровольно выбрать для наилучшего разрешения спора»¹⁰. В связи с этим предложения о законодательном закреплении обязательности судебного примирения представляются немного преждевременными, поскольку необходимо, чтобы прошел определенный период времени для заключения о том, насколько эффективна и востребованна та или иная процедура, а также не стоит забывать про принцип добровольности всех способов альтернативного урегулирования споров.

При этом с введением судебного примирения перспективы развития института медиации, уже не оправдавшего своих ожиданий, становятся все более туманны. Ситуация усугубляется тем, что между двумя указанными процедурами есть различия, но незначительные, что позволяет судить о более высокой конкурентоспособности судебного примирения. Обращение к медиации возможно во внесудебном порядке, а обращение к судебному примирению — после возбуждения дела. Профессиональным медиатором может выступать судья в отставке, что на практике встречается редко, а в отношении судебного примирителя установлено императивное требование — только судья в отставке. В силу доверия населения суду как надежному гаранту соблюдения прав и свобод человека и гражданина участники конфликта, выбирая примирительную процедуру, вероятнее всего обратятся к судебному примирению.

Пока преждевременно судить о перспективах введения судебного примирения. Для его популяризации в существующих российских реалиях следует активно нести знания в массы, а именно осуществлять мероприятия, направленные на освещение преимуществ примирительных процедур. Требуется время для апробации правового института, и только с учетом опыта и практики его применения следует корректировать положения, его регулирующие. В настоящий период представляется целесообразным расширение круга прав судебного примирителя, что, думается, будет способствовать быстрому урегулированию спора мирным путем. Надеемся, что введенный институт судебного примирения оправдает ожидания на практике и станет одной из часто применяемых примирительных процедур.

⁷ Долова М.О., Багрянская П.Д. Судебное примирение по гражданским делам // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 104–119.

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 января 2020 г. № 1 «Об утверждении списка судебных примирителей» URL: <http://www.vsr.ru/documents/own/28689/> (дата обращения: 20.01.2021).

⁹ Тимофеев Ю.А. Судебное примирение: проблемы и перспективы // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 3. С. 44–48.

¹⁰ Борисова Е.А. Судебное примирение: кто виноват и что делать? // Российский судья. 2019. № 9. С. 20–23.

Литература

1. Борисова Е.А. Судебное примирение: кто виноват и что делать? / Е.А. Борисова // Российский судья. 2019. № 9. С. 20–23.
2. Долова М.О. Судебное примирение по гражданским делам / М.О. Долова, П.Д. Багрянская // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 104–119.
3. Левушкин А.Н. Некоторые проблемы применения судебного примирения (медиации) при разрешении споров в Российской Федерации / А.Н. Левушкин, В.В. Воробьев // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 5. С. 135–143.
4. Тимофеев Ю.А. Судебное примирение: проблемы и перспективы / Ю.А. Тимофеев // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 3. С. 44–48.

DOI: 10.18572/2072-4152-2021-12-22-25

Понятие и признаки предписания контрольного (надзорного) органа

Сельхова Ольга Евгеньевна,
судья Тверского областного суда
selkhova@gmail.com

Предписание об устранении выявленных нарушений, выдаваемое юридическому лицу (индивидуальному предпринимателю) по результатам проведения контрольного (надзорного) мероприятия, порождает для контролируемого лица различные правовые последствия, в том числе в виде угрозы привлечения к административной ответственности по ст. 19.5 КоАП РФ. Несмотря на разнообразие видов контрольно-надзорной деятельности, значительное количество выдаваемых предписаний контрольных (надзорных) органов, огромное число дел об оспаривании выданных предписаний в арбитражных судах и судах общей юрисдикции, дел об административных правонарушениях, рассматриваемых мировыми судьями по ст. 19.5 КоАП РФ, многочисленную судебную практику, в том числе и позиции, изложенные в судебных актах Верховного Суда РФ, у судей возникают сложности в рассмотрении данной категории дел, допускаются ошибки в правоприменении. В настоящее время в теории науки административного права отсутствуют унифицированные подходы к определению предписания, не разработаны его признаки, нет законодательного закрепления данному понятию, что обуславливает актуальность темы настоящего исследования.

Ключевые слова: Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации, контрольный (надзорный) орган, предписание, административная ответственность.

Сразу следует отметить, что понятие предписания контрольного (надзорного) органа в действующем законодательстве Российской Федерации до сих пор не закреплено. Все существующие определения данного термина являются результатами развития административно-правовой науки и сложившейся судебной практики. Несмотря на многообразие высказанных в юридической литературе точек зрения по данному вопросу, на мой взгляд, в полной мере понятие предписания контрольного (надзорного) органа не раскрыто, не выделены его существенные признаки, а также не учтены последние изменения, произошедшие в правовом регулировании.

В этой связи следует напомнить, что с 1 июля 2021 г. на смену Федеральному закону

от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»¹ пришел Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»² (далее — Федеральный закон № 248-ФЗ).

¹ Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О государственном кон-

Пунктом 1 ч. 2 ст. 90 Федерального закона № 248-ФЗ установлена обязанность контрольного (надзорного) органа в пределах предоставленных ему полномочий при выявлении в ходе проведения контрольного (надзорного) мероприятия нарушений обязательных требований контролируемым лицом после оформления акта контрольного (надзорного) мероприятия выдавать контролируемому лицу предписание об устранении выявленных нарушений с указанием разумных сроков их устранения.

Оценивая положительные нововведения, предусмотренные данным Федеральным законом, в части, касающейся детальной регламентации контрольно-надзорного производства, следует также отметить, что понятие предписания даже в новом законе так и не было определено. Положениями статьи 19.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях³ (далее — КоАП РФ) установлена административная ответственность за действия, выразившиеся в невыполнении в установленный срок законного предписания органов, осуществляющих государственный надзор (контроль). Но в КоАП РФ по-прежнему отсутствует определение термина «предписание».

Помимо этого, в науке административного права правовая природа предписания как акта органа публичной администрации недостаточно изучена в научной доктрине, что обусловило актуальность избранной автором проблематики.

Далее обратимся к имеющимся в научных трудах дефинициям.

Так, Н.А. Васильев указывает, что «предписание представляет собой акт государственного органа (должностного лица), заключающийся в определенном требовании от ответственного (необязательно виновного) лица об устранении выявленного нарушения путем совершения каких-либо действий либо воздержания от их совершения в дальнейшем»⁴.

троле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 09.11.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Васильев Н.А. Правовая природа и преимущества предписания как акта органа государственного контроля // Государство и право: теория и практика : мат. Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, апрель 2011 г.). Челябинск : Два комсомольца, 2011. С. 96–99.

М.В. Фарафонова определяет предписание как «обязательный для исполнения документ, составленный и направленный (врученный) от имени органа государственного контроля (надзора) юридическому лицу, индивидуальному предпринимателю, должностному лицу и физическому лицу, содержащий законные требования по устранению нарушения требований законодательства»⁵.

Применительно к трудовому законодательству С.Г. Фомченков и Н.П. Фофанова определяют сущность и содержание предписания как «акта реагирования государственного инспектора труда на нарушения трудового законодательства, выявленные в ходе проверки нарушения трудового законодательства и иных нормативно-правовых актов, содержащих нормы трудового права»⁶.

Е.С. Изюмова, исходя из проанализированных признаков акта применения права, формулирует понятие предписания контрольного (надзорного) органа как «обязательного для исполнения документа, составленного и направленного (врученного) от имени данного органа юридическому лицу, индивидуальному предпринимателю или должностному лицу, содержащего законные требования по устранению нарушений требований законодательства»⁷.

А.И. Стахов разделяет обязательные требования на нормативные обязательные и индивидуализированные (индивидуальные) обязательные. Нормативные обязательные требования закреплены в материальных нормах, например «требования промышленной безопасности» содержатся в Федеральном законе от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности»⁸. Индивидуализированные (индивидуальные) обязательные требования конкретизированы в ненормативных административных актах го-

⁵ Фарафонова М.В. О предписании органов (должностных лиц), осуществляющих государственный надзор (контроль), в зарубежном и российском административном законодательстве // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 3. С. 191.

⁶ Фомченков С.Г., Фофанова Н.П. Исполнение предписаний государственных инспекций труда: проблемы и перспективы развития // Современное право. 2008. № 12. С. 64–65.

⁷ Изюмова Е.С. Предписание как акт применения права органов государственного контроля (надзора) и муниципального контроля при осуществлении своих полномочий // Вестник ЧелГУ. 2015. № 13 (368). С. 76.

⁸ Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ (ред. от 11.06.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2021) «О пожарной безопасности» // СПС «КонсультантПлюс».

сударственного контроля, обязательных для исполнения юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, иными организациями и физическими лицами. К примеру, такие требования содержатся в предписаниях, предостережениях, иных решениях органов государственного контроля и надзора⁹.

В связи с необходимостью преодоления указанного законодательного пробела, Верховный Суд Российской Федерации, разрешая конкретное дело об оспаривании предписания, выданного Управлением Федеральной службы по надзору в сфере природопользования по Республике Башкортостан, проанализировал требования, предъявляемые к подобному акту, и определил, что под предписанием понимается «ненормативный правовой акт, который содержит обязательные для исполнения требования властно-распорядительного характера и выносится только в случае установления при проведении контролирующим органом соответствующей проверки нарушений законодательства в целях их устранения»¹⁰.

В то же время все вышеизложенные определения не дают возможности четкого уяснения наиболее существенных признаков предписания, однозначно раскрывающих его суть и позволяющих отграничить от иных категорий (например, от предостережения о недопустимости нарушения обязательных требований, представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений, и пр.).

Последовательно рассматривая отмечаемые в юридической литературе признаки предписания, полагаем необходимым остановиться на следующем. А.А. Томтосов, исследуя институт административного акта, обращал внимание на то, что на сегодняшний день в российском праве отсутствуют единообразные положения о самих актах, издаваемых органами публичной администрации. Нет ни легального закрепления, ни четкого теоретического осмысления основополагающих институтов административного права, таких как правовой акт органа публично-управления либо административный акт, ненормативный акт и т.д.¹¹

Действительно, если обратиться к научным публикациям по данной проблеме, то можно сделать вывод, что наука административного права использует различную терминологию для обозначения решений органов публичной администрации: административно-правовой акт¹², административно-правовой акт управления¹³, правовой акт управления¹⁴ и мн. др.

Не осуществляя погружение в данную дискуссию, поскольку эта тема многогранна, многоаспектна, неоднозначна и требует отдельного исследования, согласимся с тем, что предписание, исходя из его выявленных признаков, является, *во-первых*, административно-правовым актом, а именно индивидуализированным административно-правовым актом, поскольку он персонафицирован, выступает основанием для возникновения, изменения и прекращения административно-правовых отношений и связан с конкретным делом о нарушении обязательных требований.

Во-вторых, предписание выдается только контрольным (надзорным) органом контролируемому лицу в специальном административно-процессуальном порядке, предусмотренном Федеральным законом от № 248-ФЗ.

В-третьих, предписание выдается контролируемому лицу. Под контролируемые лица в ч. 1 ст. 31 указанного закона понимаются как граждане, так и организации, чья деятельность, действия или результаты деятельности которых либо производственные объекты, находящиеся в владении и (или) в пользовании которых, подлежат государственному контролю (надзору), муниципальному контролю.

В части 2 указанной статьи раскрывается понятие граждан для целей данного закона как физических лиц: граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, осуществляющих предпринимательскую деятельность (индивидуальные предприниматели). При этом в п. 2 приведенной части статьи контролируемые лицами признаются граждане, не осуществляющие предпринимательскую деятельность в случае владения и (или) пользова-

⁹ См.: Зеленцов А.Б., Кононов П.И., Стахов А.И. Административно-процессуальное право России в 2 частях. Часть 1 : учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2021. С. 212.

¹⁰ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 22 мая 2017 г. № 309-КГ17-4669 по делу № А07-6666/2016 // СПС «Консультант-Плюс».

¹¹ Томтосов А.А. Административный акт в российском публичном праве. М. : Инфотропик Медиа, 2020. 152 с.

¹² Стахов А.И. и др. Административное право России : учебн. и практ. для вузов / под ред. А.И. Стахова, П.И. Кононова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2021. С. 262.

¹³ Канунникова Н.Г. Теоретические аспекты административно-правовых актов управления // Административное право и процесс. 2016. № 3. С. 8–10.

¹⁴ Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право : учебн. 4-е изд., пересмотр. и доп. М. : Норма, 2009. С. 435–436.

ния производственными объектами, являющимися объектами контроля.

Согласно пункту 2 этой же статьи, организации — это юридические лица, зарегистрированные в установленном порядке, их обособленные, а также иные организации, в том числе иностранные, объединения и их подразделения, не являющиеся юридическими лицами, если в соответствии с нормативными правовыми актами, устанавливающими обязательные требования, субъектами правоотношений являются организации, не являющиеся юридическими лицами.

Законодатель конкретизировал, что органы государственной власти, органы местного самоуправления, иные государственные и муниципальные органы признаются контролирующими лицами в случае владения и (или) пользования производственными объектами, являющимися объектами контроля (ч. 3 ст. 31 Федерального закона № 248-ФЗ).

Анализ части 1 ст. 1 и п. 1 ч. 2 ст. 90 приведенного Федерального закона позволяет выявить *четвертый признак предписания* контрольного (надзорного) органа, а именно: предписание направлено на устранение выявленных нарушений обязательных требований (т.е. восстановление правового положения, существовавшего до выявления нарушения обязательных требований).

Пункт 1 ч. 2 Федерального закона № 248-ФЗ позволяет выделить *пятый существенный признак предписания* контрольного (надзорного) органа — это установление разумного срока исполнения предписания. Разумный срок в данном случае означает отрезок времени, необходимый и достаточный для устранения ука-

занных в предписании нарушений с учетом их объема и требуемых финансовых и материальных затрат.

Исполнение предписания подкреплено силой государственного принуждения, т.е. игнорирование требований контрольного (надзорного) органа, ненадлежащее его исполнение влекут определенные материально-правовые последствия для контролируемого лица в виде привлечения к административной ответственности по ст. 19.5 КоАП РФ. При этом вынесение постановления по делу об административном правонарушении не освобождает контролируемое лицо от его исполнения.

Обобщая основные признаки предписания, отмеченные выше, можно дать ему более полное определение, отразив его в Федеральном законе № 248-ФЗ, дополнив примечанием следующего содержания: «Под предписанием в целях настоящего Федерального закона понимается решение контрольного (надзорного) органа в форме индивидуализированного административно-правового акта, выдаваемого контролируемому лицу в административно-процессуальном порядке, направленное на устранение выявленных нарушений обязательных требований с целью восстановления правового положения, существовавшего до выявленных нарушений обязательных требований с указанием разумных сроков их устранения, подкрепленное силой государственного принуждения в виде привлечения к административной ответственности». В результате будет законодательно закреплено более полное определение термина «предписание» применительно к административному праву.

Литература

1. Васильев Н.А. Правовая природа и преимущества предписания как акта органа государственного контроля / Н.А. Васильев // Государство и право: теория и практика : материалы Международной научной конференции (г. Челябинск, 20–23 апреля 2011 г.) : сборник научных статей. Челябинск : Два комсомольца, 2011. С. 96–99.
2. Зеленцов А.Б. Административно-процессуальное право России. В 2 частях. Ч. 1 : учебник для вузов / А.Б. Зеленцов, П.И. Кононов, А.И. Стахов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2021. 311 с.
3. Изюмова Е.С. Предписание как акт применения права органов государственного контроля (надзора) и муниципального контроля при осуществлении своих полномочий / Е.С. Изюмова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия : Право. 2015. № 13 (368). С. 74–77.
4. Канунникова Н.Г. Теоретические аспекты административно-правовых актов управления / Н.Г. Канунникова // Административное право и процесс. 2016. № 3. С. 8–10.
5. Россинский Б.В. Административное право : учебник / Б.В. Россинский, Ю.Н. Стариков. 4-е изд., пересмотр. и доп. Москва : Норма, 2009. 465 с.
6. Стахов А.И. Административное право России : учебник и практикум для вузов / А.И. Стахов [и др.] ; под редакцией А.И. Стахова, П.И. Кононова. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2021. 484 с.
7. Томтосов А.А. Административный акт в российском публичном праве / А.А. Томтосов. Москва : Инфотропик Медиа, 2020. 152 с.
8. Фарафонова М.В. О предписании органов (должностных лиц), осуществляющих государственный надзор (контроль), в зарубежном и российском административном законодательстве / М.В. Фарафонова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 3. С. 186–191.
9. Фомченков С.Г. Исполнение предписаний государственных инспекций труда: проблемы и перспективы развития / С.Г. Фомченков, Н.П. Фофанова // Современное право. 2008. № 12. С. 64–65.

Проблемы рассмотрения дел о расторжении брака в судебном порядке, пути их решения

Малинский Юрий Владимирович,
мировой судья судебного участка № 1 по городу Сибая Республики Башкортостан
malinskiyy@yandex.ru

Статья посвящена проблемам рассмотрения дел о расторжении брака в суде. Ежегодно число разводов увеличивается, а основное число решений по расторжению брака принимается в судах общей юрисдикции. При этом на практике имеют место случаи, когда истцы подают исковое заявление в суд с целью каким-либо образом воздействовать на ответчика, что в результате приводит к обжалованию, а впоследствии к затрате денежных ресурсов и времени как у сторон, так и у судебного органа, а в некоторых случаях и влияет на качество правосудия. Отправление решения о расторжении брака путем почтовой связи отнимает немало времени у судебного аппарата и расходует ресурсы судов. Поэтому реформирование законодательства касемо расторжения брака окажет эффективное влияние и будет способствовать усовершенствованию порядка расторжения брака, экономии времени и денежных средств супругов, положительному влиянию на качество работы судебной системы. Данные изменения будут способствовать для сторон более осознанному подходу к решению о подаче иска о расторжении брака.

Ключевые слова: расторжение брака, суд общей юрисдикции, мировой судья, апелляционная жалоба, решение, судья, выписка о расторжении брака, информационные технологии.

Развод на сегодняшний день стал обыденностью. Согласно статистике, ежегодно распадается огромное количество браков. По данным Федеральной службы государственной статистики и Единой межведомственной информационно-статистической системы, число оформленных разводов в 2019 г. составило 620 730, в 2020 г. — 564 704 (рис. 1).

Таким образом, в 2020 г. по сравнению с 2019 г. в России количество разводов сократилось на 9%. При этом, согласно статистическим данным Единой межведомственной информационно-статистической системы, в 2020 г. в Российской Федерации распалось 73% браков, тогда как в 2019 г. данное соотношение было равным 65%. Если сравнивать с распадом брачных союзов тридцатилетней давности, в то время распадалось на 31% меньше браков, что составляло 42% от общего числа, а семьдесят лет назад распадалось только 4% брачных союзов. Исходя из приведенных данных, можно прийти к выводу, что, несмотря на уменьшение числа разводов в 2020 г., количество распадов браков ежегодно растет. Однако примерно 10% из них снова заключают брак, нередко за-

ключаются повторные браки между бывшими супругами.

Согласно части 1 ст. 38 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ), материнство и детство, семья находятся под защитой государства². В связи с этим на государство возложены ответственная задача по регулированию семейных отношений и важная функция защиты семейных ценностей.

Основной процент расторжения брака проходит через суд, который может развести супругов по обоюдному согласию либо в одностороннем порядке, если между ними не имеется спорных вопросов, таких как спор о совместном нажитом имуществе либо спор о детях. Согласно статье 21 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ), расторжение брака производится в судебном порядке, если имеются несовершеннолетние дети (усыновленные или общие), если супруги не могут прийти к общему решению относительно раздела нажитого имущества, если один из супругов не желает и отказывается разводиться, если супруг, не имеющий возражений, уклоняется от расторжения брака

¹ Статистические данные с сайта Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 01.09.2021).

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант-Плюс».

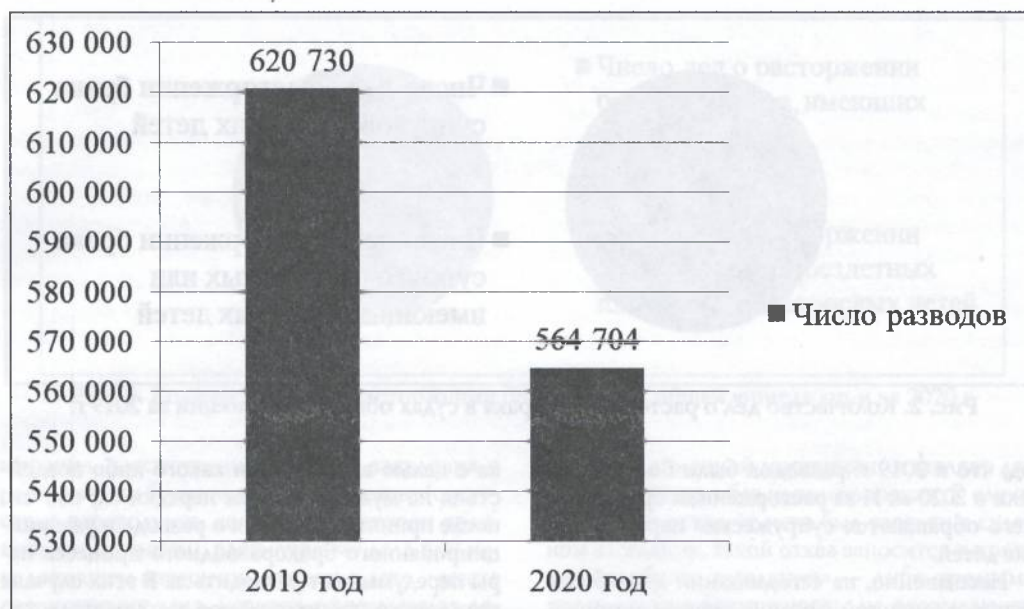

Рис. 1. Количество разводов в России за 2019–2020 годы

в органе записи актов гражданского состояния, в том числе отказывается подать заявление³. Таким образом, при подаче искового заявления, согласно данной статье, увеличивается и нагрузка у судей, которым часто приходится рассматривать иски о расторжении брака. Случается такое, что, несмотря на то что стороны пришли к общему мнению о разводе, в связи с тем, что у них имеются несовершеннолетние дети, они вынуждены обратиться с иском в суд. Поэтому целесообразно было бы внести поправки в законодательство, а именно разрешить при обоюдном согласии на развод и при отсутствии спора об общих несовершеннолетних детях, а также при отсутствии спора об общем нажитом имуществе обращаться в органы записи актов гражданского состояния с соответствующим заявлением. При этом необходимо принимать во внимание положения ч. 2 ст. 38 Конституции РФ, согласно которой забота о детях, их воспитание — равные право и обязанность родителей. С целью соблюдения данных норм Конституции РФ можно было бы рассмотреть возможность приложения к заявлению, поданному в органы записи актов гражданского состояния, нотариально заверенных расписок о том, с кем будут жить дети после развода родителей, а также о разделе совместно нажитого недвижимого имущества по обоюдному согласию. К логичности данного довода мож-

но прийти, проанализировав заключение между супругами нотариального соглашения об уплате алиментов, которое с каждым годом широко применяется сторонами при соответствующем виде спора. Например, согласно португальским законам, Португалия позволяет двум лицам подать электронный запрос на совместный развод без вины в несудебном административном учреждении. В особых случаях, когда не имеется детей, совместного недвижимого имущества, обязательств по взысканию алиментов или общего адреса проживания, может быть вынесено постановление в виде резюме в течение одного часа⁴.

Согласно отчетам Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции за 2019–2020 годы, всего рассмотрено в 2019 г. 411 702 дела о расторжении брака, а в 2020 г. — 355 265 дел о расторжении брака⁵ (рис. 2, 3).

Таким образом, анализируя данные из графических изображений, можно сделать вы-

³ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Закон о разводе по странам. URL: https://ru.abcdef.wiki/wiki/Divorce_law_by_country#Portugal (дата обращения: 01.09.2021).

⁵ Отчеты о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции за 2019–2020 годы // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 01.09.2021).

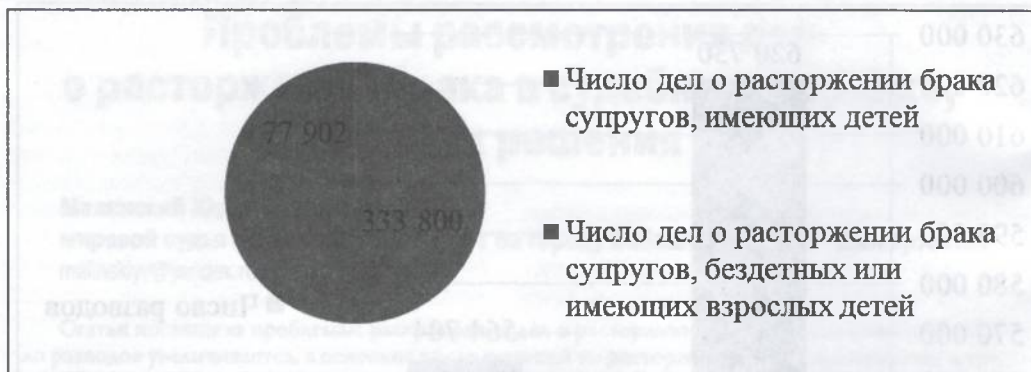

Рис. 2. Количество дел о расторжении брака в судах общей юрисдикции за 2019 г.

вод, что в 2019 г. разводов было больше, нежели в 2020-м. И за расторжением брака чаще всего обращаются супружеские пары, имеющие детей.

Несомненно, на сегодняшний день более распространенной формой защиты и процедурой разрешения семейных споров при расторжении брака выступает судебное разбирательство, что согласуется с нормами ч. 1 ст. 46 Конституции РФ, согласно которым каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Однако есть альтернативные процедуры урегулирования семейных споров при разводе. Такой формой является процедура медиации, которая имеет социально полезную семейно-правовую направленность. Данный способ является эффективным и быстрым способом защиты брачно-семейных прав при расторжении брака, когда самостоятельно стороны не могут прийти к взаимовыгодному решению, и в этом случае имеется возможность решить вопрос, не дожидаясь судебного решения, с участием медиатора. Для эффективности работы судебной системы, для экономии денежных средств и времени судов возможно расторжение брака производить судом только тогда, когда меры по примирению супругов оказались безрезультатными. Соответственно, при подаче искового заявления инициатором развода должны быть приложены документы о проведении предсудебной процедуры медиации.

«В многочисленных судебных спорах суды давно исходят из баланса интересов сторон»⁶. Инициатором развода может быть любой из супружеской пары, однако в некоторых случаях жены подают заявления о расторжении бра-

ка с целью влияния или какого-либо воздействия на мужа. При этом нередки случаи, что после принятия решения о разводе и уже инициированного бракоразводного процесса пары передумывают разводиться. В этих случаях гражданско-процессуальное законодательство предусмотрело несколько вариантов сохранения брачных отношений: во-первых, отзыв искового заявления и приложенных документов из суда, когда судом не вынесено решение о принятии иска к производству, во-вторых, примирение супругов и отказ от иска как до, так и после окончания установленного судом срока по примирению на стадии судебного разбирательства, в-третьих, обжалование решения суда с последующей отменой судебного акта, подтверждающего расторжение брака между супругами. Конечно же, хорошо, когда истцы по данной категории спора отзывают исковое заявление или приходят к соглашению о примирении в рамках рассмотрения дела в суде первой инстанции, что свидетельствует об эффективности роли суда как представителя государства в сохранении семьи и семейных ценностей. Однако на практике имеют место случаи, когда истец после принятия решения судьей в окончательной форме об удовлетворении искового заявления согласно ст. 321 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) в течение 30 дней подает апелляционную жалобу через суд, принявший решение⁷. В этом случае у истца должны быть веские основания, такие как непредоставление судом всей информации о правовом исходе развода, непредоставление судьей супругам при наличии соответствующей просьбы хотя бы одного из них времени для при-

⁶ Илюшина М.Н. Проблемы прекращения в одностороннем порядке договоров с участием предпринимателей в свете Концепции совершенствования гражданского законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 12. С. 15.

⁷ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

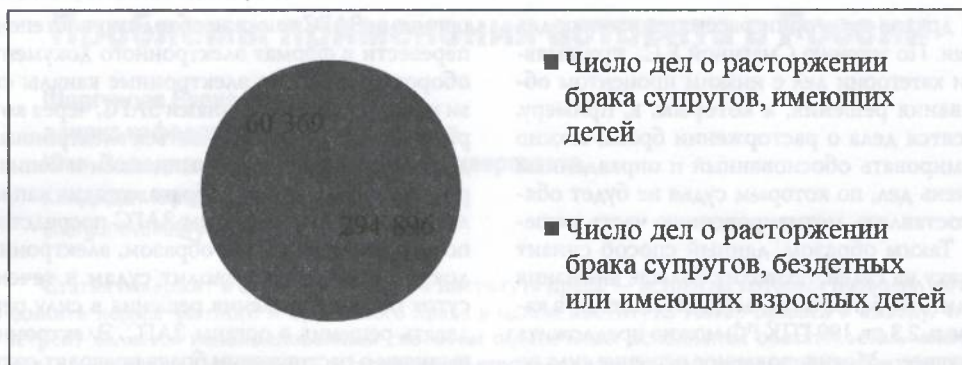

Рис. 3. Количество дел о расторжении брака в судах общей юрисдикции за 2020 г.

мирения, рассмотрение искового заявления о расторжении брака не в полном составе (отсутствие переводчика, если одна из сторон является иностранцем), рассмотрение дела при ненадлежащем извещении сторон о дате и месте рассмотрения дела, неверно оформленное дело, нарушение процедуры принятия судебного акта. В результате в целях сохранения семейных отношений при изучении материалов дела и с учетом мнения сторон суд апелляционной инстанции может отменить решение суда первой инстанции, что действительно согласуется с гарантией судебной защиты нарушенных прав у какой-либо стороны. При этом нередко при рассмотрении дела о расторжении брака в апелляционной инстанции истец ходатайствует об отказе от исковых требований. Так, согласно п. 2 ст. 326.1 ГПК РФ, при принятии отказа истца от иска или при утверждении мирового соглашения сторон суд апелляционной инстанции отменяет принятое решение суда и прекращает производство по делу. Однако вышеуказанные действия, в том числе злоупотребление правом истца с целью какого-либо воздействия на своего супруга или супругу, влияют на процент отмен судебных актов судьи первой инстанции. Так, превышение средних показателей отмен вынесенных судебных актов влияет на качество работы судьи и в целом на качество всей судебной системы Российской Федерации. Кроме того, высокий процент отмен судебных актов может оказать негативное воздействие на получение повышения по карьерной лестнице.

Исходя из вышеизложенного, во избежание возникновения подобных казусов, возможно было бы добавить п. 1.2 в ст. 326.1 ГПК РФ: «При ходатайстве об отказе истца от иска, совершенном после принятия апелляционной жалобы на удовлетворенное решение по делу о расторжении брака судом первой инстанции,

суд апелляционной инстанции оставляет данное ходатайство без удовлетворения. В случае, если отказ истца от иска был заявлен в судебном заседании, такой отказ заносится в протокол судебного заседания» — либо предусмотреть другую возможность, не оказывающую влияния на качество работы судьи. Таким образом, данные изменения позволят подавать истцам иски о расторжении брака, а также сэкономить время и финансовые ресурсы судов, положительно повлияют на качество работы судебной системы.

В целом на практике имеют место случаи обжалования решений о расторжении брака по мотивам возможности сохранения семьи, отсутствия достаточных причин для расторжения брака, обязанности суда «принимать все необходимые меры для сохранения семьи, а не разрушать ее» и т.п. В таких случаях вышестоящие суды, как правило, оставляют решение в силе, ссылаясь на п. 2 ч. 2 ст. 22 СК РФ, согласно которому расторжение брака производится, если меры по примирению супругов оказались безрезультатными и истец настаивает на расторжении брака, а также на принцип добровольности брачного союза, который реализуется не только при заключении брака, но и при его прекращении (п. 1 ст. 1 СК РФ)⁸. Также если супружеская пара по своему желанию передумала разводиться и с этой целью подала апелляционную жалобу, то такие доводы не могут являться весомыми при принятии решения суда апелляционной инстанции о расторжении брака.

Необходимо отметить, что решения по делам о расторжении брака обжалуются реже, не-

⁸ Гонгало Б.М., Крашенинников П.В., Михеева Л.Ю., Рузакова О.А. Семейное право: учебн. / под ред. П.В. Крашенинникова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. 315 с.

жели другие категории рассматриваемых дел судами. По мнению Смагиной Е.С., при выявлении категории дел с низким процентом обжалования решений, к которым, к, примеру, относятся дела о расторжении брака, можно сформировать обоснованный и оправданный перечень дел, по которым судья не будет обязан составлять мотивировочную часть решения⁹. Таким образом, данный способ снизит нагрузку на судей, позволит больше внимания отводить на более сложные дела. Поэтому в качестве п. 2.3 ст. 199 ГПК РФ можно предложить следующее: «Мотивированное решение суда по делам о расторжении брака не составляется».

Кроме того, в настоящий момент гражданское судопроизводство переживает этап серьезной трансформации, новые информационные технологии стремительно внедряются в систему российского правосудия, имеют положительный опыт их применения и требуют дальнейшего планомерного развития по таким направлениям, как дальнейшее информирование граждан о возможностях и потенциале новых информационных систем, разработка современных требований по защите имеющейся в электронных системах информации и привлечение профессиональных специалистов для разработки эффективных средств ее осуществления¹⁰. Работа государственных органов постепенно переходит в интернет-пространство. Поэтому взаимодействие судебной системы с

органами ЗАГС также необходимо постепенно перевести в формат электронного документооборота, установив электронные каналы связи между судами и органами ЗАГС, через которые можно будет обмениваться электронными документами, а именно выписками и копиями решений о расторжении брака, сегодня направляемыми судами в органы ЗАГС посредством почтовой связи. Таким образом, электронный документооборот позволит судам в течение суток после вступления решения в силу передавать решения в органы ЗАГС. Электронные выписки о расторжении брака позволят сократить расходы на изготовление печатного экземпляра в бумажном виде, покупку почтовых конвертов и их отправку, канцтовары, а также сэкономить время судебного аппарата, занимающегося оформлением и отправкой копии решения о расторжении брака.

В настоящее время система семейного законодательства Российской Федерации всеми путями старается усовершенствовать правовое регулирование отношений между супругами. При рассмотрении семейно-правовых споров судебная защита направлена на обеспечение лицам, которые обладают семейными правами, реальной возможности как их осуществления, так и достижения своих интересов, которые охраняются законодательством Российской Федерации¹¹. С каждым годом повышается внимание государства и общества к семейным вопросам, в связи с чем требуется постоянно следить за развитием и усложнением института брачных отношений и внедрять в законодательство необходимые изменения по его улучшению.

⁹ Смагина Е.С. Использование информационных технологий как альтернатива масштабным изменениям гражданского процессуального законодательства, направленным на повышение эффективности гражданского судопроизводства и оптимизацию судебной нагрузки // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 51–59.

¹⁰ Дарда А.В. Влияние современных информационных технологий на осуществление правосудия // Юридическая наука. 2020. № 10. С. 60–64.

¹¹ Кудрявцева Л.В., Куемжиева С.А., Масленникова Л.В. Актуальные проблемы семейного права: учебн. пособ. Краснодар : КубГАУ, 2020. 104 с.

Литература

1. Дарда А.В. Влияние современных информационных технологий на осуществление правосудия / А.В. Дарда // Юридическая наука. 2020. № 10. С. 60–64.
2. Илюшина М.Н. Проблемы прекращения в одностороннем порядке договоров с участием предпринимателей в свете Концепции совершенствования гражданского законодательства / М.Н. Илюшина // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 12. С. 14–20.
3. Кудрявцева Л.В. Актуальные проблемы семейного права : учебное пособие / Л.В. Кудрявцева, С.А. Куемжиева, Л.В. Масленникова. Краснодар : КубГАУ, 2020. 104 с.
4. Гонгало Б.М. Семейное право : учебник / Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинников, Л.Ю. Михеева, О.А. Рузакова ; под редакцией П.В. Крашенинникова. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Статут, 2019. 315 с.
5. Смагина Е.С. Использование информационных технологий как альтернатива масштабным изменениям гражданского процессуального законодательства, направленным на повышение эффективности гражданского судопроизводства и оптимизацию судебной нагрузки / Е.С. Смагина // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 51–59.

Проблемы применения астрента в России

Шергунова Елена Анатольевна,
доцент кафедры гражданского права
Юго-Западного государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
shergunovaea@yandex.ru

Статья содержит в себе анализ нового института права — астрента, который позволил объединить нормы частного и публичного права в одном институте. Автор пришел к выводу, что астрент является непоименованным способом обеспечения исполнения обязательства, имеющим общие черты с неустойкой. Астрент удовлетворяет интересы частных лиц, способ его расчета является диспозитивным и зависит от множества факторов. Да и сама возможность применения астрента выступает правом кредитора, а не обязанностью суда. Введение института астрента в России как способа обеспечения исполнения судебного обязательства имеет ряд достоинств и недостатков. Автор исследовал специфику применения института астрента в России, определив пробелы действующего законодательства и предложив пути их преодоления. В результате проведенного научного исследования были получены следующие результаты. Было установлено, что введение института астрента было необходимым и целесообразным. Применение астрента в судебной практике позволило уменьшить нагрузку для приставов-исполнителей, стимулировать должников к добровольному исполнению решений судов. Недостатками применения института астрента являются следующие пробелы законодательства. Во-первых, инициировать применение астрента может только кредитор. Во-вторых, сам термин «астрент» точно не закреплен в законодательстве. Отсутствует правовая регламентация механизма применения астрента в судебной практике.

Ключевые слова: астрент, кредитор, должник, судебный штраф, судебная неустойка.

Одним из способов стимулировать ответчика (должника) своевременно и в полном объеме исполнить решение суда является определение суммы штрафа за неисполнение судебных актов, которое в мировой практике получило название «астрент». Уникальность астрента заключается в том, что он одновременно включает в себя нормы частного и публичного права, так как направлен на удовлетворение интересов, как правило, частных лиц (кредиторов), но при этом уплачивается исключительно при неисполнении или несвоевременном исполнении судебного решения (тем самым нарушая нормы публичного права).

Термин «астрент» в переводе с французского *l'astreinte* означает требование истца о взыскании определенной суммы денежных средств за неисполнение судебного акта. Данное требование может подаваться истцом заранее в своем исковом заявлении либо в отдельном ходатайстве в ходе рассмотрения дела по неденежному требованию (совершить определенные действия или воздержаться от совершения определенного действия) с целью стимулирования должника к скорейшему исполнению выне-

сенного в его пользу судебного акта. Сегодня данный институт права известен в большинстве развитых стран. Особо широкое применение он нашел во Франции, Италии, Германии, Польше, Греции, Португалии и ряде других стран. Родиной астрента принято считать Францию, где в XIX в. за неисполнение судебного решения применялся денежный штраф, взыскиваемый в качестве дополнительной меры наказания к основному судебному решению, принятому против должника.

Основной целью такого штрафа было стимулирование должника к быстрому исполнению судебного акта путем оказания «возрастающего финансового давления в зависимости от степени недобросовестности должника»¹.

Легитимное закрепление астрента произошло в 1972 г. в ст. 491 Гражданского процессуального кодекса Франции². Как счи-

¹ Куличев Р.Б. Некоторые особенности применения судебной неустойки в законодательстве Российской Федерации // Право и экономика. 2016. № 4. С. 41.

² URL: https://pnu.edu.ru/ru/faculties/full_time/sgf/iogip/study/studentsbooks/histsources2/igpzio49/

тает Д.В. Лоренц³, данная норма не смогла полноценно и всесторонне раскрыть содержание астрента, а лишь давала указание, что этот институт может назначаться или отменяться исключительно судом, который может рассчитывать астрент «по своему усмотрению». Позднее был принят Кодекс гражданского исполнительного производства Франции⁴, нормы которого более подробно раскрыли механизм применения астрента и возможности суда по его применению⁵.

Сегодня институт астрента представляет собой штраф за неисполнение судебного акта. Ввиду чего его нельзя отождествлять с возмещением убытков кредитору, он не зависит от наличия или отсутствия вреда, а устанавливается в виде предупреждения должника в случае неисполнения им своего обязательства в срок, установленный в судебном порядке для добровольного исполнения. Таким образом, основная цель французского астрента — это давление на должника, дабы своевременно исполнить обязательства, установленные в судебном порядке.

Интересен в вопросах применения института астрента опыт Италии, где суд не вправе применять астрент только по своему усмотрению, а назначает его только по инициативе кредитора (ст. 614А Гражданского процессуального кодекса Италии⁶). Суд устанавливает определенную денежную сумму, подлежащую выплате кредитору в случае неисполнения или несвоевременного исполнения должником наложенных на него основных обязательств. При этом при определении размера взыскиваемого астрента необходимо учитывать характер основного спора, вид обязательства, иные оценочные показатели или возможные потери кредитора, которые могут возникнуть из-за неисполнения должником судебных обязательств. При неисполнении должником обязательства, установленного в судебном порядке, астрент взыскивается автоматически.

³ Лоренц Д.В. Астрент в правовой системе России // Законодательство. 2015. № 9. С. 14.

⁴ URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGITEXT000006070716/>

⁵ Канаева А.В., Добрынина О.И. Астрент: история развития и этапы становления в российской системе права // Инновационная политика и право. 2019. № 2 (14). С. 72.

⁶ URL: <https://www.studiocataldi.it/codiceproceduracivile/codicediproceduracivile.pdf>

Определенные научные дискуссии вызывает также вопрос о том, в чью пользу должен взыскиваться астрент. По праву Франции данный штраф взыскивается исключительно в пользу кредитора, в немецком праве суммы от астрента поступают в государственную казну, а в Португалии астрент делится поровну между кредитором и государством, так как в данном случае нарушаются интересы и кредитора, и государства.

В российской практике институт астрента получил свое законодательное закрепление лишь в 2015 г. с введением в Гражданский кодекс Российской Федерации⁷ (далее — ГК РФ) новой ст. 308.3 «Защита прав кредитора по обязательству». И хотя в данной норме напрямую термин «астрент» не закреплен, но из существа самих правоотношений следует, что это астрент в чистом виде и есть.

Тем не менее аналогичные астренту институты существовали и в советское время. Так, за неисполнение судебных решений был предусмотрен штраф, который назначался судом (ст. 406 Гражданского процессуального кодекса РСФСР⁸), либо судебным приставом-исполнителем (ст. 85 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 119-ФЗ «Об исполнительном производстве»⁹)¹⁰. О чем неоднократно упоминал известный советский цивилист М.А. Агарков, который утверждал, что судебный штраф за неисполнение судебного решения является «действенным средством сломить упорство должника, не желавшего добровольно исполнить обязательство»¹¹.

Введение астрента в современную российскую практику является разумным и экономически оправданным действием. Данный институт права позволяет ре-

⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 119-ФЗ (ред. от 26.06.2007) «Об исполнительном производстве» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Канаева А.В., Добрынина О.И. Указ. соч. С. 73.

¹¹ Чурсина А.С. Применение института астрента в российской системе права // Сб. мат. XII Всерос. науч.-практич. конф. «Актуальные проблемы российского права и законодательства» / сост. Е.В. Василенко. Красноярск: Сибирский институт бизнеса, управления и психологии, 2019. С. 193–195.

шить ряд серьезных проблем исполнительного производства. *Во-первых*, устранить проблему неисполнения и ненадлежащего исполнения судебных актов со стороны должника. *Во-вторых*, ускорить процесс исполнительного производства и разгрузить работу судебных приставов, так как стимулирует должников в добровольном порядке исполнять предписания суда, не прибегая к принудительному исполнительному производству. *В-третьих*, сподвигнуть стороны к добровольному примирению и скорейшему разрешению спора через институт медиации или заключение мирового соглашения, что позволит уменьшить чрезвычайно высокую нагрузку на судебную систему.

Таким образом, можно сказать, что астрент является своеобразным способом обеспечения исполнения обязательств должника. Тем не менее установить правовую природу рассматриваемого явления довольно-таки сложно. С одной стороны, штраф за неисполнение судебного решения является исключительно процессуальным институтом и должен рассматриваться в рамках «процессуального права». С другой стороны, ст. 308.3 ГК РФ «Защита прав кредитора по обязательству» устанавливает, что «в случае неисполнения должником обязательства, указанного в судебном акте, суд по требованию кредитора имеет право присудить в пользу данного кредитора денежную сумму в размере, определяемом на основе принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения должника». Из этого видно, что астрент законодатель относит к нормам материального (частного) права.

По нашему мнению, астрент — самостоятельный и независимый способ обеспечения обязательства, устанавливаемый в судебном порядке по требованию кредитора. Безусловно, астрент очень похож на неустойку и преследует те же самые цели. Тем не менее у него есть и ряд существенных отличий, не позволяющих нам отнести астрент к разновидности неустойки. Астрент, в отличие от обычной неустойки, не может заранее устанавливаться в договоре или законе. Окончательный размер астрента все же определяет исключительно суд, хотя и с учетом пожеланий кредитора. При определении такого размера суд должен руководствоваться конкрет-

ными обстоятельствами дела, а также исходить из основ принципов справедливости, разумности и соразмерности. К такому же выводу приходит и многочисленная судебная практика. Так, Арбитражный суд Ростовской области от 15 сентября 2015 г. № А53-17769/15¹² отказал в удовлетворении требований общества с ограниченной ответственностью «Руслан» к открытому акционерному обществу «РЖД» о взыскании астрента и неустойки за возникшие убытки. Суд посчитал, что неустойка и астрент — это разные правовые категории, которые нельзя смешивать, поэтому взыскал только астрент.

Проблема правового регулирования астрента заключается в том, что возможность применения данного института закреплена в нормах гражданского законодательства (ст. 308.3 ГК РФ), но процедура, механизм и особенности применения данного института регламентированы в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»¹³ (в ред. от 22.06.2021). (далее — Постановление Пленума ВС РФ № 7). Кроме того, некоторые положения, касающиеся особенностей применения астрента на практике, закреплены в ст. 7.2.4 Принципов международных коммерческих договоров (далее — Принципы УНИДРУА) от 1994 г. В данном международном акте содержатся положения, согласно которым суд может наложить на ответчика дополнительное обязательство уплатить штраф в случае неисполнения решения суда, который взыскивается, как правило, в пользу потерпевшей стороны. При этом необходимо иметь в виду, что Принципы УНИДРУА носят так же, как и судебный прецедент, рекомендательный характер и, соответственно, официальным источником права не являются. Кроме того, в Принципах УНИДРУА рассматриваемый институт права носит название не астрента, а судебного штрафа, что значительно за-

¹² URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/LaHSZy-usn4lm/>

¹³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «КонсультантПлюс».

трудняет его применение в российском праве, так как в отечественных процессуальных нормах под судебным штрафом принято понимать штраф, взыскиваемый в доход федерального бюджета за неисполнение судебных предписаний (ст. 105 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации¹⁴). Тем не менее Т.Н. Иванова и О.В. Монченко¹⁵ придерживаются мнения, что Принципы УНИДРУА «более четко регламентируют порядок применения института астрента и не позволяют его трактовать двояко».

В связи с тем, что Россия относится к континентальной правовой системе, у нас невозможно применение прецедентного права. Также нельзя ссылаться и на рекомендательные нормы Принципов УНИДРУА, где сам термин «астрент» не закреплен, а лишь предполагается. В связи с этим полагаем, что при назначении астрента суду следует руководствоваться в первую очередь принципами справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из недобросовестного поведения должника (п. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ), связанного с неисполнением судебных предписаний.

Интересную идею касательно правовой природы института астрента в России выдвинули А. Парфенчиков и В.В. Ярков¹⁶, которые провели параллель между астрентом и взысканием процентов за неисполнение денежного обязательства (ст. 395 ГК РФ). По мнению авторов, эти два института являются очень схожими, так как преследуют одну цель — наказать недобросовестного должника или предупредить его о последствиях неисполнения обязательств. Тем не менее астрент все же отличается от обязательства, предусмотренного ст. 395 ГК РФ. Так, астрент взыскивается не за неисполнение основного обязательства, а за неисполнение судебного акта.

¹⁴ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

¹⁵ Иванова Т.Н., Монченко О.В. Французский астрент на российский манер: применение и правовое регулирование судебной неустойки в свете нового Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 27 от 24.03.2016 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Вестник арбитражной практики. 2016. № 2. С. 4–13.

¹⁶ Парфенчиков А. и др. Астрент в российском праве // Закон. 2014. № 4. С. 34–47.

Е.С. Луценко¹⁷ институт астрента относит к способу защиты прав кредитора, т.е. особому виду неустойки, взыскиваемой за неисполнение судебного акта. Таким образом, по мнению автора, астрент выполняет стимулирующую и компенсационную функции.

Стоит согласиться с мнением ВС РФ относительно того, что правовая природа судебной неустойки носит самостоятельный характер и заключается в том, что данная штрафная санкция не прекращает и не освобождает должника от исполнения основного обязательства в натуре, а также от применения иных мер гражданско-правовой ответственности за его неисполнение или ненадлежащее исполнение (п. 28 Постановления Пленума ВС РФ № 7).

Таким образом, при расчете астрента неважен размер убытков, причиненных неисполнением обязательства в натуре, поскольку подобные расходы подлежат возмещению отдельно. При этом ВС РФ придерживается мнения, что начисление предусмотренных ст. 395 ГК РФ процентов на сумму астрента не распространяется, так как судебная неустойка взыскивается не за неисполнение основного долга, а за неисполнение судебного акта.

По общему правилу астрент в России назначается судом по требованию кредитора (истца). При этом суд не может отказать в применении предусмотренного в исковом заявлении астрента, если основное исковое требование было удовлетворено полностью и суд вынес решение о понуждении должника (ответчика) к исполнению обязательства в натуре (п. 31, 32 Постановления Пленума ВС РФ № 7). Кроме того, невозможно применение астрента, если должник исполнил основное обязательство, предусмотренное судебным актом, в добровольном порядке, так как по своей сути астрент носит обеспечительный характер и автоматически прекращается с исполнением обеспечиваемого судебного обязательства.

Назначение астрента судом может осуществляться в рамках содержащегося в исковом заявлении дополнительного требования кредитора об обеспечении исполнения судебного решения. Также допускается подача истцом отдельного заявления о применении астрента, заявленного

¹⁷ Луценко Е.С. Судебная неустойка (астрент): вопросы теории и юридическая практика // Юридический мир. 2016. № 7. С. 57–60.

в процессе исполнения вступившего в силу решения суда. При этом такое заявление должно рассматриваться в рамках первоначального дела, потому что оно неразрывно связано с основным требованием.

А.Г. Карапетов¹⁸ выделяет следующий механизм применения астрента в России. *Во-первых*, астрент можно применять как по искам, носящим имущественный характер, так и по исковым требованиям, вытекающим из нематериальных отношений, так как судебная неустойка взыскивается не за неисполнение обязательства, а за нарушение судебного предписания исполнить данное обязательство в натуре. *Во-вторых*, выплата астрента не освобождает должника от дальнейшего исполнения обязательства, установленного в судебном порядке. *В-третьих*, за счет применения института астрента невозможно погасить зачетом те убытки, которые возникли в связи с нарушением общего обязательства. А.Н. Кольцова¹⁹ считает, что такие убытки необходимо взыскивать сверх суммы астрента, по аналогии со ст. 394 ГК РФ. По мнению А.Г. Карапетова²⁰, астрент носит скорее карательную, а не компенсационную функцию. С этим мы в корне не согласны.

В-четвертых, невозможно применить институт астрента к неисполнению денежных обязательств. Как и невозможно применить астрент к обязательствам, вытекающим из административных правоотношений, трудовых споров, а также семейных споров ввиду разной правовой природы данных правоотношений.

Мы не совсем согласны с мнением А.Н. Кольцовой²¹, что применять астрент можно только к неимущественным обязательствам. В статье 308.3 ГК РФ говорится о применении астрента к присуждению исполнения обязательств в натуре, что, по нашему мнению, совсем не означает, что это должны быть исключительно неимущественные обязательства. Исполнять в нату-

ральной форме можно как неимущественные, так и имущественные обязательства. Например, подрядчик не выполнил вовремя заказ по договору бытового подряда. В суде заказчик обязует должника исполнить свои обязательства по созданию вещи в принудительном порядке. За неисполнение подобного обязательства вполне может быть взыскан астрент, так как обязательство не исполнено в натуре.

Совсем другое дело денежные обязательства. Здесь действительно невозможен астрент, так как его сложно будет отличить от добровольного исполнения обязательства в натуре. В подтверждение наших слов можно привести решение Арбитражного Суда Краснодарского края от 12 февраля 2016 г. № А32-20655/2015²² по иску товарищества собственников жилья «Тургеневский двор — 3» к индивидуальному предпринимателю Парпуле Ивану Ильичу о взыскании неосновательного обогащения, где истцу было отказано в применении ст. 308.3 ГК РФ, потому что применение астрента в целях понуждения ответчика к исполнению денежного обязательства не предусмотрено нормами действующего законодательства.

В-пятых, суд должен рассчитать размер астрента так, чтобы для должника своевременное и добровольное исполнение судебного решения оказывалось значительно более выгодным, чем его неисполнение. При этом также необходимо учитывать финансовые возможности и платежеспособность самого должника. В случае установления слишком завышенного астрента и при крупной сумме основного долга у должника не будет финансовой возможности добровольно все выплатить в установленные сроки. В таком случае астрент превратится не в стимулирующую функцию добросовестного исполнения обязательств, а в кабалу.

Также, по мнению А.Г. Карапетова, при расчете астрента суду следует учитывать мнение кредитора. При предложении кредитором своей конкретной суммы астрента суд может ее только соразмерно уменьшить, но никак не увеличить. Данное правило необходимо применять по аналогии с расчетом неустойки (ст. 333 ГК РФ), так как оба эти института носят стимулирующий, а не карательный характер и направлены на восстановление положения кредитора.

¹⁸ Карапетов А.Г. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации. М.: Статут, 2017. 1120 с.

¹⁹ Кольцова А.Н. Судебная неустойка (астрент) как мера ответственности должника за неисполнение или ненадлежащее исполнение судебного решения // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Экономика. Право. Управление. 2018. № 7. С. 104.

²⁰ Карапетов А.Г. Указ. соч. 1120 с.

²¹ Кольцова А.Н. Указ. соч. С. 103–107.

²² URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/SRV1NtH5jnbr/>

Кроме того, взыскание астрента возможно только в том случае, если истек срок для добровольного исполнения судебного акта. При этом факт неисполнения или ненадлежащего исполнения решения суда устанавливается судебным приставом-исполнителем, о чем выносится соответствующее постановление. После установления факта неисполнения судебного решения пристав-исполнитель наделяется правом в принудительном порядке списать со счетов должника указанную сумму астрента, начисленную за соответствующий период времени, и перечислить ее кредитору. Тем не менее в данном случае судебный пристав-исполнитель должен в обязательном порядке учитывать, что неисполнение судебного предписания должником возникло исключительно по вине должника.

Если должник не исполнил судебные обязательства в силу форс-мажорных обстоятельств или по причине оспаривания судебного акта, то применение астрента невозможно. Кроме того, в случае невозможности исполнить судебное решение по причине отсутствия необходимых финансовых ресурсов и возможностей по заявлению должника суд может отсрочить применение астрента или назначить его расщепку.

По мнению А.В. Канаевой и О.И. Добрыниной²³, астрент не преследует цель восстановить имущественное положение истца в связи с неисполнением или несвоевременным исполнением судебного акта об исполнении обязательства в натуре, его цель — стимулировать исполнение предписания суда. Считаю данную точку зрения не совсем правильной, так как астрент всегда взыскивается в пользу кредитора, а следовательно, не носит карательных функций. Наказывать может только суд, а не частное лицо. Следовательно, и меры наказания в виде штрафа могут взыскиваться только в рамках публичного права в доход казны.

В случае применения астрента (судебной неустойки) его роль несколько иного характера. Ввиду этого полагаем, что астрент как раз и направлен на минимизацию потерь кредитора при несвоевременном исполнении должником предписаний суда, что его роднит с иными способами обеспечения исполнения обязательств.

Исходя из анализа многочисленной судебной практики выработалась единая по-

зиция судов касательно формы астрента. Так, он может быть взыскан в форме твердой денежной суммы, в форме денежной суммы, начисляемой периодически, а также посредством установления прогрессивной шкалы (за первую неделю взыскивается одна сумма, за вторую — сумма в два раза больше и т.д.). Примеры подобных расчетов можно встретить в делах Арбитражных судов Ростовской области от 15 сентября 2015 г. № А53-17769/2015, Калужской области от 22 декабря 2014 г. № А23-4491/2014, Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 4 августа 2015 г. № А56-18864/2015 и др.

Подводя итог всему вышесказанному, необходимо сделать следующие выводы. Введение института астрента в России позволило улучшить качество исполнения судебных решений и своевременность исполнения должником своих обязательств. Тем не менее неопределенность данного института, слабая законодательная регламентация часто приводят к неправильному применению и двоякому толкованию астрента в судебной практике.

Ввиду этого представляется необходимым внести изменения. *Во-первых*, дополнить ст. 329 ГК РФ новым способом обеспечения исполнения обязательств — астрентом. *Во-вторых*, ч. 1 ст. 308.3 ГК РФ изложить в следующей редакции: «В случае неисполнения должником обязательства кредитор вправе требовать по суду исполнения обязательства в натуре, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом, иными законами или договором либо не вытекает из существа обязательства. Суд по требованию кредитора вправе присудить в его пользу денежную сумму (астрент) на случай неисполнения или несвоевременного исполнения указанного судебного акта в размере, определяемом судом на основе принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения».

В-третьих, законодательно закрепить, что астрент может взыскиваться по требованию кредитора в твердой денежной сумме.

Внесенные изменения, на наш взгляд, положительно скажутся на эффективности исполнения судебных актов и стабильности гражданского оборота, а также смогут решить и ряд иных сопутствующих проблем.

²³ Канаева А.В., Добрынина О.И. Указ. соч. С. 71–80.

Литература

1. Иванова Т.Н. Французский астрент на российский манер: применение и правовое регулирование судебной неустойки в свете нового Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 27 от 24.03.2016 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» / Т.Н. Иванова, О.В. Монченко // Вестник арбитражной практики. 2016. № 2. С. 4–13.
2. Канаева А.В. Астрент: история развития и этапы становления в Российском праве / А.В. Канаева, О.И. Добрынина // Инновационная политика и право. 2019. № 2 (14). С. 71–80.
3. Карапетов А.Г. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.Г. Карапетов. Москва: Статут, 2017. 1120 с.
4. Кольцова Л.Н. Судебная неустойка (астрент) как мера ответственности должника за неисполнение или ненадлежащее исполнение судебного решения / Л.Н. Кольцова // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Экономика. Право. Управление. 2018. № 7. С. 103–107.
5. Куличев Р.Б. Некоторые особенности применения судебной неустойки в законодательстве Российской Федерации / Р.Б. Куличев // Право и экономика. 2016. № 4. С. 41–44.
6. Лоренц Д.В. Астрент в правовой системе России / Д.В. Лоренц // Законодательство. 2015. № 9. С. 13–21.
7. Луценко Е.С. Судебная неустойка (астрент): вопросы теории и юридическая практика / Е.С. Луценко // Юридический мир. 2016. № 7. С. 57–60.
8. Парфенчиков А. Астрент в российском праве / А. Парфенчиков [и др.] // Закон. 2014. № 4. С. 34–47.
9. Чурсина А.С. Применение института астрент в российской системе права / А.С. Чурсина // Актуальные проблемы российского права и законодательства: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции (г. Красноярск, 3 апреля 2019 г.): сборник научных статей / ответственный редактор С.Ш. Забуга; составитель Е.В. Василенко. Красноярск: Сибирский институт бизнеса, управления и психологии, 2019. С. 193–195.

Почему важен DOI и как это влияет на качество научной информации и ее последующее цитирование?

DOI значительно облегчает процедуры цитирования, поиска и локализации научной публикации.

DOI повышает авторитет журнала, он свидетельствует о технологическом качестве издания.

DOI является неотъемлемым атрибутом системы научной коммуникации за счет эффективного обеспечения процессов обмена научной информацией.

При цитировании статьи с DOI одним из журналов, входящих в Scopus, Web of Science или какую-либо другую престижную библиографическую базу, данные статьи и автора также заносятся в эти базы.

Все журналы, входящие в Scopus, Web of Science и Springer, в обязательном порядке присваивают своим статьям DOI.

Как ссылаться на статью с DOI?

Альханова Г.К. Построение «дома качества» для сливочного масла / Г.К. Альханова, Р.В. Залилов, Б.К. Асенова // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 7 (38). Часть 1. № 7–1 (38). С. 6–10. DOI: 10.18454/IRJ.2015.0001

Как проверить DOI статьи?

DOI, присвоенный любой организацией, можно проверить непосредственно на сайте IDF DOI: <http://www.doi.org/>

JUSTICE OF THE PEACE

No. 12 2021

SCIENTIFIC-PRACTICE INFORMATION JOURNAL.

Registered with the Federal service for supervision in the sphere of mass communications and protection of cultural heritage.
REG. PI No. FC77-29335 of August, 24. 2007. Published monthly. Published since 2003.

Founder of the journal — Jurist Publishing Group

EDITOR IN CHIEF:

Doroshkov Vladimir Vasil'evich,
Professor of the Chair of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminal
Investigatory Technique of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Secretary of the Plenum (Retired), Judge of the Supreme Court of the RF,
Honored Lawyer of the RF, LL.D., Professor,
Corresponding Member of the Russian Academy of Education

EDITORIAL BOARD:

Apostolova Natal'ya Nikolaevna,
Professor of Procedural Law Southern-Russian Institute
of Management of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the RF,
LL.D., Associate Professor

Voskobitova Lidiya Alekseevna,
Head of the Chair Criminal Procedural Law of the Kutafin Moscow
State Law University (MSAL), LL.D., Professor

Golovko Leonid Vital'evich,
Head of the Chair of Criminal Procedure, Justice and Prosecutor's
Supervision of the Lomonosov Moscow State University, LL.D., Professor

Kaplina Oksana Vladimirovna,
Head of the Department of criminal process of the Yaroslav
the Wise National Law University (Kharkov, Ukraine),
LL.D., Professor

Lazareva Valentina Aleksandrovna,
Professor of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science
of the Samara National Research University named after Academician
S.P. Korolev, LL.D., Professor

Pavlikov Sergej Gerasimovich,
Head of the Department of Legal Regulation of Economic Activity
of the Financial University under the Government of the RF,
LL.D., Professor

Patov Nikolai Alexandrovich,
Vice-Rector of the Moscow Psychological and Social University (MPSU),
Doctor of Pedagogy, PhD (Law), Professor,
Academician of the Russian Academy of Education

Popov Ivan Alekseevich,
Chief Researcher of the Research Center No. 5 of the All-Russian Research
Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of the RF,
Honored Lawyer of the RF, LL.D., Professor

Primak Tat'yana Klavdievna,
Head of the Department of Civil Law and the Process
of the Kant Baltic Federal University, LL.D., Professor

Sachkov Andrej Nikolaevich,
Judge of the Rostov Regional Court, Professor of the Theory and History
of State and Law Department of the Rostov Branch of the Russian State
University of Justice, PhD (Law), Associate Professor

CHAIRMAN OF THE EDITORIAL BOARD:

Kolokolov Nikita Aleksandrovich,
Judge of the Supreme Court of the RF (retired), LL.D., Professor

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., Honored Lawyer of the RF, LL.D, Professor,
Corresponding Member of the Russian Academy of Education

Deputy Editors in Chief of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I., Bely'kh V.S., Renov E'N., Platonova O.F., Truntsevskij Yu.V.

Editorial Office: Lapteva E.A., Solovyova D.V.

Scientific editing and proofreading:
Shvechkova O.A., PhD (Law).

Address of the Editorial Board / Publisher:
Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb., Moscow, 115035.
Tel.: (495) 953-91-08.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Editorial Subscription Centre:

(495) 617-18-88 (multichannel).

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Russian subscription: Unified Catalogue. Russian Press — 15093,
Russian Post — 011700 and on: www.lawinfo.ru

Contents

The Judiciary

A.P. Fokov. Electronic Justice in the Conditions
of Digital Economy in Russia and Foreign Countries:
Novelties and Law Development Prospects..... 2

Criminal Proceedings

V.V. Nikolyuk, S.S. Bezrukov, A.B. Divaev.
The Crisis of Faith in Fairness of Criminal
Proceedings: A Relevant Study or "Scientific Spam"
(Reflections on the Article by I.A. Antonov).
Part 2 7

I.A. Fadeev. The Quality of the Legislative
Regulation of the Legal Position of Interrogation
Authorities in Article 40 of the Criminal
Procedure Code of the Russian Federation 14

Civil Proceedings

V.V. Kotlyarova. On Prospects of the Development
of the Institution of Mediation..... 19

O.E. Selkhova. The Concept and Attributes
of an Instruction of a Control (Supervisory)
Authority 22

Yu.V. Malinsky. Problems of Marriage
Dissolution through Legal Proceedings,
Solutions 26

E.A. Shergunova. Problems of the Use
of Astreinte in Russia 31

Opinions of the authors may not coincide with the point of view of the editors.

Use of materials in others editions allowed only with the written consent
of the publisher. Reference to the magazine is required.

Recommended by the Higher Attestation Commission
under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
for publications of basic results of PhD and doctoral theses
(12.00.09; 12.00.10; 12.00.11; 12.00.15 (law science))

For the attention of our authors!

The journal's materials shall be placed at
ConsultantPlus reference legal system.

Size 170x252. Offset printing. Offset paper No. 1.
Printer's sheet 3,0. Conventional printing sheet 3,0.
Free market price. Circulation 4000 copies. ISSN 2072-4152.
Printed by National Polygraphic Group Ltd.
Bldg. 2, street Svetlaya, s. Severnij, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Passed for printing: 03.11.2021. Issue was published: 09.12.2021.
Complete or partial reproduction of materials without written
permission of authors of the articles or the editorial board
shall be prosecuted in accordance with law.

Journal is included in the database of the Russian
Science Citation Index **eLIBRARY.RU**

Electronic Justice in the Conditions of Digital Economy in Russia and Foreign Countries: Novelties and Law Development Prospects

Anatoly P. Fokov

Chief Research Scientist of the Center for Study of Justice Issues of the Russian State University of Justice

Expert of the Group of States Against Corruption (GRECO)

LL.D., Professor

The article reveals the features of the implementation of electronic justice in the digital economy in Russia and foreign countries, analyzes the legislation and suggests optimizing the legal mechanisms for the use of electronic means of communication and digital technologies in judicial activity, taking into account the positive experience of foreign countries.

Keywords: electronic justice, digital economy, legislation, legal mechanisms, judicial activity, experience of foreign countries.

The Crisis of Faith in Fairness of Criminal Proceedings: A Relevant Study or "Scientific Spam" (Reflections on the Article by I.A. Antonov). Part 2

Vyacheslav V. Nikoloyuk

Chief Research Scientist

of the Research Center for Study of Justice Issues of the Russian State University of Justice

LL.D., Professor

Sergey S. Bezrukov

Head of the Center for the Organizational Support

of Research of the National Research Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

LL.D., Associate Professor

Aleksandr B. Divaev

Dean of the Law Faculty of the Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

PhD (Law), Associate Professor

The article offered to the reader's attention is a continuation of the analysis of the publication of professor I. A. Antonov on the crisis of faith in the justice of modern Russian criminal proceedings. It identifies the problems spontaneously selected by I. A. Antonov as evidence of crisis phenomena in the field of preliminary investigation and trial of criminal cases, provides alternative points of view on the essence of the issues under study. In conclusion, the authors draw the conclusion that any proposals for the reform of criminal procedure legislation must meet the requirement of scientific validity, can be made only based on the results of a thorough study of the relevant institutions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: criminal proceedings, justice of criminal proceedings, independence of judges, procedural independence of the investigator.

The Quality of the Legislative Regulation of the Legal Position of Interrogation Authorities in Article 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation

Ilya A. Fadeev

Senior Lecturer of the Department of Theory and Methodology of Public Administration of the Management

Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

PhD (Law)

This article examines the content of Art. 40 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which regulates the legal status of the bodies of inquiry in the criminal process of the Russian Federation. The basic terms used in it seem imperfect due to the fact that their legal formula in no way reflects the real state of affairs. In the applied field, this noticeably multiplies the cases of forced violation of the rule of law by the authorities and some other participants in the pre-trial proceedings.

Keywords: interrogator, head of the inquest subdivision, head of the body of inquiry, body of inquiry, inquiry, form of preliminary investigation, function, powers, operational-search activity, executive authorities.

On Prospects of the Development of the Institution of Mediation

Vera V. Kotlyarova

Associate Professor of the Department of Civil Procedure and Entrepreneurial Law of the Samara National

Research University

PhD (Law)

The article discusses certain issues related to the implementation of the institution of judicial conciliation. The judicial conciliator has an active role in the procedure under consideration, which seems justified, since such proactive assistance can lead to an early settlement of the dispute by peaceful means. It seems expedient to expand the range of rights of the judicial conciliator. There is a small number of intermediaries for the implementation of the procedure under consideration. In order

to draw a conclusion about the effectiveness or ineffectiveness of the conciliation procedure, it takes time to test it in practice, after which it is possible to introduce fundamental legislative changes and additions, and therefore it is premature to draw any conclusions at the moment. With the introduction of judicial conciliation, the further development of the institution of mediation, which has no longer met its expectations, is doubtful.

Keywords: conciliation procedure, judicial conciliation, judicial conciliator, mediation.

The Concept and Attributes of an Instruction of a Control (Supervisory) Authority

Olga E. Selkhova

Judge of the Tver Regional Court

An order to eliminate detected violations issued to a legal entity (individual entrepreneur) based on the results of a control (supervisory) procedure generates various legal consequences for the controlled entity, including in the form of a threat of bringing to administrative responsibility under Article 19.5 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. In spite of variety of types of control and supervisory activities, a significant number of issued orders of control (supervisory) authorities, a large number of cases on challenging issued orders in arbitration courts and courts of general jurisdiction, cases of administrative offenses, judicial practice, including the positions set forth in judicial acts of the Supreme Court of the Russian Federation, judges have difficulties in considering this category of cases, mistakes are made in law enforcement. Currently, in the theory of the science of administrative law, there are no unified approaches to determining the prescription, its signs have not been developed, there is no legislative definition of this concept, which determines the relevance of the topic of this research.

Keywords: the Administrative Offences Code of the Russian Federation, state control (supervisory) authority, order, administrative responsibility.

Problems of Marriage Dissolution through Legal Proceedings, Solutions

Yury V. Malinsky

Justice of the Peace of Judicial District No. 1 for Sibay, the Republic of Bashkortostan

The article is devoted to the problems of considering cases of divorce in court. Every year the number of divorces increases, and the main number of decisions on divorce is made in the courts of general jurisdiction. At the same time, in practice, there are cases when plaintiffs file a claim to the court in order to frighten the defendant, which as a result leads to an appeal, subsequently to the expenditure of monetary resources and time both from the parties and from the judicial authority, and in some cases affects the reputation of the judge himself. Sending an extract on the dissolution of a marriage by mail takes a lot of time from the judicial apparatus, and consumes the resources of the courts. Therefore, the reform of the legislation regarding the dissolution of marriage will have an effective impact and contributes to the improvement of the procedure for the dissolution of marriage, saving time and money of the spouses, and a positive impact on the quality of the judicial system. These changes will help the parties to approach the decision to file a lawsuit for divorce more consciously.

Keywords: divorce, court of general jurisdiction, justice of the peace, appeal, decision, judge, extract on the dissolution of the marriage, information technologies.

Problems of the Use of Astreinte in Russia

Elena A. Shergunova

Associate Professor of the Department of Civil Law of the Southwest State University

PhD (Law), Associate Professor

The article contains an analysis of the new institution of the law — «astreinte», which made it possible to combine the norms of the private and the public law in one institution. The author concludes that the astreinte is an «unnamed way» of providing for the discharge of obligations, which has common features with a penalty. The astreinte satisfies the interests of individual persons, the method of calculating it is the dispositive and depends on many factors. And the very possibility of using the astreinte is the right of the creditor, and not the duty of the court. The introduction of the institute of the astreinte in Russia, as a way of providing for the discharge of obligations, has a some of advantages and disadvantages. The author investigated the specifics of the consideration of the dispute by the astreinte in Russia, identifying the gaps in the current legislation and proposing ways to overcome them. The results of the scientific study were as follows: It was found that the introduction of an astreinte was necessary and appropriate. The use of the astreinte in the judicial practice made it possible to reduce the burden for bailiffs, to stimulate debtors to voluntarily execute court decisions. Deficiencies in the procedure for resolving a dispute by the astreinte are the following legislative gaps. Firstly, only the creditor can initiate the application of the astreinte. Secondly, the term astreinte itself is not precisely enshrined in the legislation. There is no legal regulation of the mechanism for the use of the astreinte in the judicial practice.

Keywords: astreinte, creditor, debtor, court fine, court penalty.